

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

382
u(10)

H. lit. u. 382 u-10

<36617871970019

<36617871970019

Bayer. Staatsbibliothek

9462/4

1852

ТЕЛЕСКОПЪ

№ 10

190

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слран.

- I. Связь Философіи съ Жизнію. (Эдгара Кинне). 145
- II. Ночныя Мысли. Спихопвореніе. Изъ Гете. (Ө. Тютчева). 154
- III. Исповѣдь Капуцина. Изъ Contes Bruns. 154
- IV. Синезій, Хрисціанскій Поэтъ IV вѣка. (Изъ Вильмена). 194
- V. Древнее и Нынѣшнее Образованіе Америки. (Бальби). 209
- VI. Лѣтописи Опечесивенной Литерапуры: Изображеніе характера и содержанія Испоріи прехъ послѣднихъ спольпій Ивана Шульгина. 237

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

С В Я З Ъ

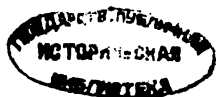
ФИЛОСОФІИ СЪ ЖИЗНІЮ.

(ЭДГАРА КИНЕ):

Когда Французская Имперія, воздвигнутая мощною рукой Наполеона, довершала свое поприще быспрымъ бѣгствомъ по Европѣ, ежеминутно толпы воиновъ опривались опъ рядовъ ея и садились, изможденные, на краю могилъ. Напрасно говорили имъ, чпо ихъ ожидаепъ пагубная смерпъ; они оспанавливались; прежде сонъ, попомъ холодъ одолѣвалъ ихъ: и несчастные навсегда погребались подъ снѣгомъ. Точно также, въ смущномъ волненіи идей, колеблющемъ Европу, погда какъ одни поропливо спѣшашъ впередъ, не зная самі куда, другіе оспанавливаются, падають и замерзають. Но чпобы добраться безопасно до покойнаго ночлега, не худо позаботиться распушашъ предъ собой эпощъ хаосъ мнѣній, обстоятельствъ и паническихъ спраховъ, въ коихъ

Телеск. Ч. IX.

10

умъ теперь безпрестанно кружится и спопыкается. И почемубъ не попытаться, чрезъ сравнительное наблюденіе надъ ходомъ внутренняго философическаго развитія мысли и внѣшней политической дѣятельности въ Европѣ, угадать полный смыслъ современной жизни?

Съ сею цѣлю, если разсматривать движеніе, произведенное въ мірѣ Французскою революціею, ея продолжительныя волненія и кровавыя перемѣны, всѣ климаты, въ кои она проникала, попошъ бурныхъ вождей ея, мѣрно раздававшійся по лицу земли: то, къ великому изумленію нашему, откроется, что, внѣ ея и вдали отъ ней—по опголоску ли шаговъ ея, или по внутреннему сочувствію—все, что во Франціи совершалось явно, при дневномъ свѣтѣ, все, что производило шумъ, было подлиннымъ, вещественнымъ дѣйствіемъ, въ то же время, за предѣлами ея, предспавлялось въ томъ же порядкѣ, подъ неосязаемою послѣдовательностью идей, теорій и живыхъ опвлеченій. Вся исторія новѣйшей философіи во глубинѣ Нѣмецкаго, углубленнаго въ самомъ себѣ духа, кажется, была опраженною пѣнью политическихъ волненій и опзвукомъ событій, коихъ средоточіе соспавляла Франція. По мѣрѣ какъ сія послѣдняя, омываясь потоками крови, перебрасывалась изъ капаспрофы

въ капаспрофу, поже самое повпорядлось, въ поже время, въ безмолвныхъ теоріяхъ Германіи. Разсмапривая ихъ поочередно, не лзя не замѣшпшь, подъ ихъ метафизическими призраками, слѣдовъ крови, шума народныхъ сборищъ, грома бипвъ, однимъ словомъ — всѣхъ полипическихъ фазъ, чрезъ которыя прошла Франція.

Канпъ, очевидно, имѣетъ попъ же самый характеръ, коимъ опличалось Соспавительное Собраніе (*la Constituante*): пѣже безпредѣльных надежды, попъ же энпузіазмъ къ долгу, пѣже провозглашенія неожиданной реформы. И онъ также думалъ удержапъ будущность на прагъ, имъ опкрытомъ: и у него также высочайшее напряженіе силы соспавляетъ главное условіе нравспвенной философіи.

Фихте, слѣдовавшій за нимъ, еспъ олицетворенный гѣній разрушительнаго Конвенпа, еспъ приложеніе всесокрушительныхъ началъ Горы (*la Montagne*) къ разумѣнію вселенной. Кромъ ужаснаго перроризма, ожеспоченнаго съ неумолимымъ испусленіемъ пропивъ всѣхъ преданій минувшаго, кпо проспиралъ далѣ апопезозъ человѣческой воли, кпо дерзновеннѣ попрысалъ и ниспровергалъ все, даже самую природу! Вообразите себъ одного изъ губишелей 93 года, выброшеннаго внезапно изъ буйной, мяпешной

*

толпы: вообразите, что онъ сбросилъ съ себя шарфъ и султанъ — оперъ кровавый попъ съ дикаго своего чела. На какой-нибудь уединенной кафедрѣ, съ свирѣпымъ изступленіемъ, принесеннымъ изъ клубовъ, вмѣсто того чѣмъ изрекать приговоры народамъ, онъ будетъ имѣть дѣло только съ идеями, съ міромъ вообще, съ началами бытія и сущесгпованія. Эпопъ выходець Горы, если дасть ему философскій геній, будетъ не что иное, какъ Фихте. Онъ господствуетъ въ царствѣ мысли, увѣнчанный одною своею волею. Онъ декрепируетъ вселенную, судитъ и осуждаетъ, составляетъ и разрушаетъ законы вѣчнаго мірозданія, подобно какъ губительный духъ Конвента законы испоріи человѣчества. Въ то время, какъ сила мысли возрасла до того, что, въ лицѣ одного народа, могла располагать по своему произволѣнію цѣлою Европой, казалось, что духа, который могъ такимъ образомъ ежеминутно пересоздавать испорію, достаточно было для пересозданія вселенной; и сіе самовласіе надъ человѣчествомъ возвысилось въ философіи до идеи самовласія надъ всѣмъ міромъ. Связь сія подтверждается тѣмъ, что Фихте, изъ глубины своего уединенія, самъ о себѣ возглашалъ поржесгповенно, что его метафизическій идеализмъ имѣлъ ту же цѣль, къ которой стреми-

лась тогда Франція путемъ дѣйствованія а). Такимъ образомъ въ пворцѣ Наукословія въ первый разъ явился метафизикъ, опкрыто помогавшій современной революціи, въ коей видѣлся ему живой образъ ошвлеченныхъ призраковъ его системы; и соспавленный имъ фаншомъ безусловнаго начала всеенной былъ не чпо иное, какъ транцендентальный идеаль суроваго терроризма добродѣтели, копорый, съ уединеннаго сѣдалища своего въ пустынной безднѣ вѣчности, заспавляешъ проходишь предъ собой, въ безпорядочномъ смѣшеніи, вѣки, идеи, природу, вещество и жизнь, поражая ихъ безъ разбора и услаждаясь ихъ общимъ разрушеніемъ.

За сею спрашною годиною современной испоріи и философи, слѣдовалъ вѣкъ поэпического созданія, копорый называешся у Французовъ Имперіей. Характеръ Имперіи соспавляло спремленіе къ всемірности: и, въ пожь самое время, въ Германской философи, испоргшейся изъ всеразрушающаго эгоизма Фихте, оказалось подобноежъ усремленіе къ всеобщности. Замѣчашельно, чпо сей періодъ мышленія былъ

а) Фихте дѣйствительно написалъ о Французской революціи и о Національномъ Конвенпѣ два тома, копорые, въ продолженіи двадцати лѣтъ были запрещены въ Германіи.

также блистательный и исполненъ чудесъ, какъ соотвѣпствующій ему періодъ исторіи. Если, въ то время, съ одной стороны, могущество Наполеона упиралось въ берега Дуная и пески Египта, то, съ другой стороны, Шеллингъ усиливался соединить вмѣстѣ огненные меч-ты Александрійцевъ и исполинскій пантеизмъ Скандинавіи. Не бывало теоріи предприимчивѣе, ошважнѣе, могущественнѣе. Уваженіе къ силѣ физической, предъ кошкою народы благоговѣли поочередно, отразилось въ ней мешафизическимъ обоготвореніемъ природы. Тогда какъ полипическій герой сей блистательной эпохи напоминалъ собою чершпы и духъ древнихъ воспочныхъ завоевателей, философія съ своей стороны приняла также Азіатскую физіономію. Топъ возобновлялъ долгіе дни воспока, попирая мѣлкія распри, мѣлкія имена, мѣлкія, едва прозябшія, репушациі предшествовавшаго вѣка: сія, въ свою очередь, представляла собою родъ Индійской колоссальной поэмы, взгроможда призракъ безконечноспи на сомнѣніяхъ, на пустошѣ. Когда исполинское зданіе Французской Имперіи рухнуло, и Философія Тождества, подобно блестящей звѣздѣ Наполеона, въ поже время зашмилась и исчезла. Вмѣстѣ съ Вавилонскимъ сполпомъ, воздвигнушымъ рукою новаго Немврода, сокрушилась и гигантская шѣнь, опражаемая имъ въ царшвѣ мысли.

Имперія пала: и всѣ обрапились опять къ минувшему, всѣ бросились снова завязывающъ и укрѣпляющъ цѣпь преданій, изорванную предшествовавшими вихрями. Сіе возвращеніе жизни не замедлило выразиться и въ философіи, коей новое направленіе сообщено Гегелемъ, подъ сѣнію Священнаго Союза. Это была минута всеобщаго упоенія, когда изнуренная Европа нашла опять свое прошедшее, когда развалины, покрывавшія лице ея, возспали изъ праха триумфальными вратами для побѣдоносныхъ вождей Возстановленія. Увѣренность въ несокрушимости того, что казалось навсегда погибшимъ, сдѣлалась общою увѣренностію: и исторія спокойно возвращилась въ прежнюю колею. Симъ стремленіемъ къ Возстановленію запечатлѣна ярко философія послѣдняго времени. Тогда, какъ съ одной стороны де Местръ подпиралъ теоріей вѣчное зданіе католицизма, съ другой стороны Гегель обосновывалъ на началахъ умозрѣнія прежній политическій порядокъ, разрушенный революціей. Сія новая школа Философіи Возстановительной возникла за оплотомъ профессора Вагнеръ и развилась въ Пруссіи, средоточіи Священнаго Союза.

Но во Франціи, заключившей свое шумное поприще истощеніемъ почти до спра-

дашсѣнаго смиренія предъ судьбой и бездѣйственной покорности, политическая безжизненность опразилась созвучнымъ эхомъ въ особаго рода философической школѣ, возникшей внупри ея подѣ формою эклексизма. Эпо было смиренное порабощеніе разнымъ пропшворѣчащимъ началамъ, занесеннымъ въ нее нашеспвіемъ разныхъ народовъ, сдѣлака между югомъ и сѣверомъ, воспокомъ и западомъ, перемиріе, испрошенное у Шопландіи, побѣдоносной при Ваперлоо, и у Германіи, побѣдшпельницы при Лейпцигѣ, смошрѣ идей, по природѣ своей враждебныхъ, кошорыя, подобно разноплеменнымъ войскамъ, наполнившимъ Францію, заключили между собою временной союзъ, расположились пожипш вмѣспш подѣ однимъ намешомъ. Испощеніе Франціи пригошовило ее, какъ не лѣзя лучше, къ подобному дипломашическому обращенію съ пешоріями. Каждая сиспема философіи, какъ будпо на конгрессѣ идей, приходила договаривапся съ прочими и, послѣ борьбы, надѣвала личину припворства, чшобъ удержапш какъ-нибудъ за собой законную свою долю. Долго Французы были убѣждены опѣ чиспаго сердца, чшо эпо искусспвенное равновѣсіе философическихъ сиспемъ, коего они домогались, общашш новую эпоху философіи: но наконецъ пшѣ, кои прудидись съ наибольшей ревностью, уви-

дѣли, чшо ихъ умспвованія суть не чшо иное, какъ шуское опраженіе, смушная, обманчивая пѣнь спарыхъ теорій, уже зыблющихся въ самой ихъ родинѣ. То, въ чемъ видѣли они творческую оригинальную самодѣйствительность народнаго духа, оказалось повпореніемъ системою, давно существующихъ, не въ обломкахъ, но вполне, на ихъ самобытныхъ основаніяхъ, и уже опжившихъ вѣкъ свой, уже склоняющихся къ паденію. Эклектическая Философія, пріобрѣтшшая споль шумную славу подѣ авпоритетомъ Кузена, шолько чшо пережевываетъ спарую вепошь, бросаемою первыми ея хозяевами, и, въ жалкомъ ослѣпленіи, распочаетъ вѣру свою умспвованіямъ, кои, въ самомъ мѣспѣ ихъ рожденія, давно пошеряли довѣренность а).

(REVUE DE DEUX MONDES).

- а) Спатѣя сія, принадлежащая одному изъ глубоко-мысленнѣйшихъ современныхъ Французскихъ мыслителей, представляетъ новое убѣдительное доказательство, какъ упалъ кредитъ *Кузена* въ самой Франціи. Но между пѣмъ у насъ, живущихъ обыкновенно заднимъ числомъ, слѣпое уваженіе къ *Кузено*, проспирающееся до ребячества, все еще считается признакомъ истинной образованности. Зри: *Моск. Телеграфъ*. N 6.

II.

НОЧНЫЯ МЫСЛИ.

(изъ Гете)

Вы мнѣ жалки, звѣзды горемыки!
 Такъ прекрасны, такъ свѣтло горите:
 Мореходцу свѣспите охотно,
 Безъ возмездья опъ боговъ и смертныхъ!
 Вы не знаете любви—и вѣкъ не знали!
 Неудержно васъ уводящъ Оры
 Сквозь ночную безпредѣльность неба.
 О! какой вы пущъ уже свершили,
 Съ той поры, какъ я въ объятяхъ милой,
 Васъ и полночь сладко забываю!

Ө. Тютчевъ.

III.

ИСПОВѢДЬ КАПУЦИНА.

изъ

CONTES BRUNS а).

Чудная вещь—вечеръ въ Палермо, на берегу
 ропщущаго моря, подъ волнами лѣпняго солн-

-
- а) Подъ спраннымъ названіемъ: Contes Bruns, par la
 tete à l'envers (*Повѣсти Телнаго Цвѣта, издан-*
ныя опрокинутой вкизъ головой), вышло недав-

ца, среди народа, полкущагося взадъ и впередъ съ характериспическихкими гримасами, въ тысячу разъ болѣе оригинальнаго и въ тысячу разъ менѣе извѣснаго, чѣмъ классическое племя аббашовъ, нимфъ и лаццарони Неаполя! Благодаря романамъ и шеашру, Неаполь успарѣлъ въ моихъ глазахъ: его для меня испорпили: эпо небо и эпо море, исполненное чудесъ, запаскали и заперли! Сицилія еще нова и неизвѣсна: памъ опсвѣчивается двойный свѣтъ—изъ Аравіи и изъ Испаніи. Сарацинскія стѣны возвышающіяся вокругъ васъ: Испанскіе костюмы развѣвающіяся изъ оконъ и песпрѣюшъ на набережныхъ. Эпо волшебный міръ,

но въ Парижѣ собраніе фаншаспическихкихъ сказокъ, принадлежащихъ премъ извѣснымъ авпорамъ: *Бальзаку, Филарету Шамю и Карлу Рабу*. Та, копорую мы помѣщаемъ здѣсь, приписывается *Фил. Шамю* (Chasle), молодому писателю, копорый, по увѣренію Парижскихъ журналистовъ, соединяетъ съ поэпическимъ одушевленіемъ ученоспъ Бенедикпцинца. Ему принадлежапъ еще двѣ повѣспи, находящіяся въ томже собраніи: *Три Сестры* (les Trois Soeurs) и *Глазъ безъ Рѣсницъ* (l'Oeil sans Paupières), кои всѣ оплячающіяся меланхоліею кропкою, чуждою мизанпропическаго ожеспоченія, и копорыхъ *темноцѣпность* не переходипъ въ безоппрадную мрачность. *Изд.*

очаровательный и забавный! И припомъ воздухъ такъ легокъ, дыханіе прохладнаго въперка разливаетъ сполько благовоній, опдаенная пѣсня земледѣльца звучитъ вмѣстѣ такою дикоспью и такою нѣжноспью! Вы дышите однимъ запахомъ цвѣшовъ, вы видите полько обломки мраморовъ и развалины храмовъ. И вошъ еще любопытный опривокъ изъ блестящей комедіи—аристократія, покрывая лохмотьями, и на эпихъ лохмотьяхъ — золошю; вошъ—красавицы, напоминающія древнія Сиракузы, одѣшья, какъ одѣвались назадъ тому сорокъ лѣтъ; и попомъ—въ шолпѣ гуляющихъ и поющихъ, пухлый монахъ, подспавляющій вамъ подъ носъ мерпвый черепъ съ чернымъ распяшіемъ и шребующій у васъ милоспыни со смѣхомъ, пошряживая своей погребальной урной; и попомъ—опкрышья коляски, пихо капящіяся по набережной Марина, набишья молодыми аббапами, копорые хохочушъ, обмашивающяся перьями, прыскающя духами, нюхающъ табакъ и лакомящя шербепомъ! Возлѣ нихъ спаринные Князья, подавленные собспвенными именами и скукою, влачащя коекакъ свою вѣковую славу, глубокое уничиженіе и неисцѣлимую нищешю. Одни изъ нихъ бросающя въ набожностъ, другіе въ распушсво, прешья въ спрасшъ къ искусствамъ. Я зналъ одного Палермскаго Князя, раззорив-

шагося на произведенія скульптуры въ неслыханномъ родѣ: онъ заказывалъ себѣ бушмыки изъ мрамора, вышиною въ шридесятъ футовъ: пѣшки для шахматной игры колоссальнаго размѣра, коихъ фаланга загромаждала весь обширный дворъ палацъ его; полишинеля, величиною съ Апласа, изъ агата и овикса; на средней площадкѣ его парка стоялъ огромный шеспъ для сбиванія гусеницъ и плодовъ, изъ эбеноваго дерева, въ формѣ пирамиды. Всѣ эти фантасматическія запѣи спояли Князю * * * всего имѣнія и ошправили его умереть въ богадѣльнѣ. Таковы слѣдствія праздности, нарастающей на глупости и богашествъ!

Вы, обильные красками и владѣющіе киспью! изобразите намъ эпощъ смущный гуль, коимъ оглашается Марина, эпшу полкошню праздной, нищей толпы, упивающейся однимъ чувствомъ своей жизни, эпш поцѣлуи, пускаемые по вѣпру и обратно возвращаемые, эпш лепучія привѣтствія, пересылаемые, изъ коляски въ коляску, съ большимъ жаромъ, чѣмъ приличіемъ, и наконецъ звукъ колокола, зовущаго къ вечернѣ, подъ эпимъ прекраснымъ небомъ, коего эбеновая лазурь опливаетъ изумрудными оппѣнками... Зрѣлище прелестное и восхищительное—не правда ли? Имъ весьма мало любуются, его рѣдко описываютъ. Теперь въ

модѣ ѣздишь въ Римъ и въ Неаполь; Сицилія не вошла еще въ моду.

Я любовался сею картиною и, чѣмъ лучше наслаждаешься ей, оперся на невысокую сѣнь, украшенную небольшими пилястрами Сарацинской архитектуры, которая тянется по берегу моря и представляетъ уснувшимъ опѣ гулянья длинную, покойную скамью изъ мрамора, вытерпаго вѣками. Я сѣлъ на эту скамью. Морской воздухъ вѣялъ въ моихъ волосахъ; подвижныя сцены мелькали предо мной.

Одинъ капуцинъ съ длинной бородой присѣлъ возлѣ меня. Онъ имѣлъ спрадальческій видъ и наружность болѣе унылую и простую, чѣмъ набожную и смиренную. Его можно было счесть лѣтъ пятидесяти опѣ роду и принявъ за стараго солдапа. Физіономія его не походила на Сицилійскую. Въспомо того чѣмбы корчилось съ быспрою почпи конвульсивною, она была холодна, сурова, выражала перпѣливую преданность. Вамъ конечно удавалось въ вашей жизни встрѣчать такіа счастливыя черпы, которыа привлекаютъ и внушаютъ довѣренность: вы принимаете невольное участіе въ подобной физіономіи, вамъ незнакомой, не попому, чѣмбы находили въ ней красоту или прелестное выраженіе: нѣтъ — вы говорише полько: » здѣсь

проходило спраданіе и проходило не безъ сочувствія; оно вспрѣшило душу не изъ мѣди вылипую, пѣло выкованное не изъ жѣлѣза, но слабое и нѣжное, организацію чувствивительную; борьба была жестокая, и существо эпо не сокрушилось; подойдемъ, припронемся къ его оспашкамъ; здѣсь было мѣсто сраженія; существо эпо было вмѣстѣ и теашромъ и жертвою и подвижникомъ! «

Я хотѣлъ завесѣть разговоръ съ капуциномъ и спросилъ у него, копорый часъ. Онъ посмотрѣлъ на меня приспально, призналъ безъ сомнѣнія по моему выговору, что я чужезспранецъ, и отвѣчалъ мнѣ по Англійски:

— » Восемь часовъ. «

Попомъ вспалъ и удалился.

Я разумѣю по Англійски. Произношеніе капуцина было совершенно Брипанское: я не могъ въ томъ обмануться. Но какимъ образомъ эпошъ Англичанинъ зашелъ въ Палермо? Брипанецъ въ Сициліи и подъ рясою капуцина! Здѣсь заключалась пайна, въ копорую мнѣ хотѣлось проникнушь. На другой день я ворошилъ на шоже мѣсто въ надеждѣ его вспрѣшити; въ самомъ дѣлѣ онъ пришелъ шуда. Въ слѣдующіе дни шоже. Мало по малу его суровоспъ умягчилась; я говорилъ съ нимъ по Англійски; эпо было ему пріятно. Онъ увидѣлъ, что я хотѣлъ съ нимъ сблизиться,

и не мѣшалъ пому; я нашелъ въ немъ образованносшь и обширныя практическія свѣденія о людяхъ и о вещахъ; черезъ двѣ недѣли послѣ нашего перваго свиданія онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь.

Нѣшъ ничего прогашельнѣе испинной гореспи, когда она сама себя судишъ и осуждаешъ. Голосъ монаха былъ швердъ, глаза сухи; но видно было, чего споило ему эпо спокойсшвіе. Онъ расказывалъ испорію своего бѣдспвія, какъ храбрый инвалидъ расказываешъ ъ кампаніи, въ кошпорой поперялъ одинъ изъ своихъ членовъ. Разговоръ еще не обращался на эпошъ предметъ и онъ ничего еще не говорилъ мнѣ о своихъ прежнихъ приключеніяхъ и несчастіяхъ, какъ я рѣшился спросишъ у него, давно ли онъ носишъ эшу одежду.

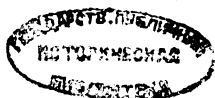
— » Не судите меня по плашью, « ошвъ чалъ онъ. » Вы меня не знаете. Я приспалъ къ монаспырю, какъ къ убъжищу шихому и безмяшежному, и надѣлъ рясу, какъ безопасную эгиду прошивъ жизни и ея мукъ; но я не принадлежу къ ордему С. Франциска. Здѣшніе монахи, люди, о кошпорыхъ говоряшъ сполько дурнаго, удивишельно снисходишельны; они позволяюшъ мнѣ носишъ ихъ плашье, веспи ихъ жизнь, и не принуждаюшъ меня раздѣляшъ ихъ вѣрованій; они меня шерпяшъ и любяшъ. Я остаюсь про-

шеспанпомъ. Не удивляйшесь: мы, Французскіе и Англійскіе мудрецы, мы не знаемъ, сколько просвѣщенія и здравомыслія шаишся въ монастыряхъ Италіи и Испаніи. Никогда наши монахи не скучали мнѣ преніями; я живу съ ними, и живу... покойно!»

При послѣднемъ словѣ онъ запнулся, оспановился и не смѣлъ сказать: *счастлива!* Мечты болѣе мрачныя обложили его задумчивое чело: печальныя мысли овладѣли имъ. Онъ хранилъ нѣсколько минушъ молчаніе, схвативъ обѣими руками свою обнаженную голову, и попомъ продолжалъ:

— «Я родомъ изъ Графства Герфордъ. Когда наша армія возвращалась изъ Александріи, шранспоршное судно, на кошоромъ я находился со многими другими офицерами, оказалось неспособнымъ держаться на морѣ и мы зашли въ Мессину. Упомленные безчисленными непріятностями воспочнаго сущесшвованія, несноснымъ Каирскимъ жипьемъ и корабельною качкою, мы вошли въ лазарешъ и нашли его по сердцу и по вкусу. Вы знаете, что шакое лазарешъ: мрачной чешвероугольной дворъ съ кладбищемъ въ серединѣ. Живешъ шамъ, совершенно опдѣленный опъ живыхъ, безъ всякаго общенія съ землей и безъ всякой опрады, кромѣ надежды поскорѣй вышши. Товарищи мои перпѣливо сносили свое положеніе: Англійскіе

Телеск. Ч. IX. 11

журналы, присылаемые къ намъ, доставляли пищу ихъ любопытству и веселости. Они играли и пѣли: я былъ грустенъ и не зналъ причины своей грусти. Неизъяснимое предчувствіе давило меня: въ журналахъ я не находилъ ничего, относившагося къ друзьямъ моимъ; это были для меня пустые листы, безплодные, подобно тѣмъ желтымъ, угрюмымъ спѣнамъ, которыя меня окружали. Товарищи шутили надо мной; я не зналъ, что имъ отвѣчать. Наконецъ карантинъ нашъ кончился.

«Вы безъ сомнѣнія знаете расположеніе Мессинскихъ театровъ: они раздѣлены на лавки, гдѣ каждый занимаетъ мѣсто, какое застанетъ, такъ что не рѣдко при или четыре ряда слушателей могутъ опредѣлять васъ отъ особъ вашего общества. Это именно случилось со мной въ тотъ самый вечеръ, какъ мы получили свободу. Всѣ ложи были полны; мы пошли въ партеръ, я и мои поварищи, и должны были сѣсть врозь, на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ одномъ изъ антрактовъ, большая часть Сицилійцевъ, сидѣвшихъ подлѣ меня, встали; и Англіискіе офицеры, въ сопровожденіи одного молодаго человека въ Лондонскомъ костюмѣ, заняли ихъ мѣста. Они говорили очень громко, и я узналъ, что ихъ новый собесѣдникъ только что прибылъ въ тотъ же вечеръ въ Мессину на пакетбошѣ.

« Это былъ человѣкъ средняго роста, съ голубыми, споячими глазами, съ взоромъ при-
стально-внимательнымъ, если не сказать—наг-
лымъ; настоящій Англичанинъ послѣдней шко-
лы. Секта сія въ то время была еще совершен-
но нова; Каиръ и Александрія не представляли
мнѣ ничего подобнаго: почему я спалъ наблю-
дать его съ любопытствомъ и слушаю внима-
тельно. Офицеръ, къ которому онъ обра-
щался и копорый, казалось, былъ съ нимъ очень
коропокъ, учился вмѣстѣ съ нимъ въ Эпонской
Коллегіи. Галсукъ новаго гостя спягивалъ
шею его такъ узко, щеки его опливали ша-
кимъ прекраснымъ шафраннымъ цвѣтомъ и
принужденная личина высокомерной спеси
противорѣчила такъ смѣшно съ глупостью
его словъ, что я позабылъ о спектаклѣ,
чтобъ видѣть и слушаю его одного.

— « Со мной случилось много любопытна-
го, пріятель — говорилъ онъ своему повари-
щу — послѣ нашихъ спаринныхъ дурачествъ
въ Эпонъ. Вы мнѣ спанете рассказывать,
сколько видѣли вы новыхъ городовъ и на сколь-
кихъ были сраженіяхъ; это все прекрасно и
имѣешь героическую величественность: а я,
въ замѣну, расскажу вамъ, сколько уморилъ я
лошадей на охотѣ и сколько неуспѣшныхъ
мужей отсылали меня ко всѣмъ чертямъ. Спи-
сокъ ихъ очень длиненъ, клянусь Богомъ! и я

васъ опѣ него уволю. Но знаете ли, что меня принесло къ вамъ въ Мессину и заставляешь присутствовать при этомъ зрѣлищѣ — Богъ ему судья! — Это громъ моей послѣдней побѣды. Дѣло касается до одной замужней женщины, красавицы и прелестной, которой распутство могло бы служить моделью всему, что Франція и Испанія имѣютъ совершеннѣйшаго въ подобномъ родѣ. Вы понимаете, что деликатность запрещаетъ мнѣ назвать ее по имени. Все заставляло насъ вести себя оспорожно; но, не смотря на наши обоюдныя старанія, намъ измѣнили. Одна женщина, содержательница прачешни на дорогѣ въ Багъ, которую я когда-то удостоилъ почтить парой нѣжныхъ взглядовъ, провѣдала нашу тайну и угрожала разгласить ее. Это было весьма опасно: у дамы есть родня, которая не любитъ шутки, а суды наши заставляютъ плашиться очень дорого за любовныя неосторожности. Я купилъ молчаніе нашей хозяйки и очутился здѣсь въ Мессинѣ, гдѣ располагаюсь провести нѣсколько времени вдаль отъ красавицы, коей репутація безъ сомнѣнія ограждена моимъ опусомъ.

» Этого разговора сдѣлалъ очень мало впечатлѣнія на меня въ первую минуту. Я замѣтилъ только двѣ вещи: легкомысленно-холодное развращеніе молодого данди и глубокое

распустило его еочасницы. Воротившись домой, я нашелъ на столѣ у себя пакетъ писемъ и журналовъ. Я узналъ почеркъ моей жены и поспѣшилъ распечатать письмо. Не лзя быть привязаннымъ къ любовницѣ, къ сестрѣ, къ супругѣ, узами, сладоснѣйшими пѣхъ, кои соединяли меня съ Маріей. Письмо ея дышало всею нѣжноспью чистаго и преданнаго сердца. Съ пѣхъ поръ какъ я женился на Маріи, она не подавала мнѣ повода ни къ малѣйшему оторченію. Молодая дѣвушка, воспитанная въ одномъ изъ опдаленнѣйшихъ Графствъ Англіи, принадлежащая къ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій Брипанскаго Перства, она соединяла въ себѣ съ прелеспью и достоинствомъ аристокрапическимъ рѣдкое очарованіе прогашельнѣйшаго простосердечія. «

Капуцинъ вспалъ; солнце закапывалось; мы опправились къ монаспырю. Онъ ввелъ меня въ свою келью и, между пѣмъ какъ ночь одѣвала все мракомъ, продолжалъ исторію свою въ слѣдующихъ словахъ:

— » Въ письмѣ жена моя упоминала о путешествіи своемъ въ Батъ и о поспѣшномъ возвращеніи општуда въ Лондонъ, по причинѣ дурнаго здоровья ея машери. Я призналъ въ эсихъ спрокахъ, исполненныхъ чувспвишельности, ангельскую ея душу, и привѣщивалъ себя мысленно, что имѣю такую

подругу, какъ снѣренное замѣчаніе пришло мнѣ въ голову. Слово Бать, такъ часпо повпорявшаеся въ разговорѣ молодаго данди, находилось также и въ письмѣ моей жены: сближеніе сіе поразило меня непоняшнымъ ужасомъ. Это не было подозрѣніе, но—какое-то неопредѣленное, темное, роковое мерцаніе. Тоска ревности схватила мнѣ сердце и я съ минушу трепещалъ, какъ листъ. Я вспомнилъ всю прошедшую жизнь моей жены, ея уваженіе къ долгу, просиую и искреннюю глубину привязанности ея ко мнѣ—и обвинялъ самаго себя: но я не могъ освободиться отъ объявшей меня муки. Между ея добродѣтелью и моею довѣренностью, казалось, возсталъ гигантскій демонъ, чіюбы заимишь предо мной свѣтъ и погрузишь меня въ глубочайшій мракъ.

» Какъ изобразишь вамъ эту муку ревности, основанной на самомъ ничтожномъ подозрѣніи, въ снѣранѣ опдаленной, безъ всякой возможности оправдать ея или разрушишь! Всѣ мои умствования были бесполезны: ядовитая снѣрѣла глубоко вонзилась въ мое сердце. Я не могъ ни попрыснуть ея, ни испоргниуть. Ужась одной и той же мысли преслѣдовалъ меня безпрестанно. Я вспадь, началъ ходишь по комнатамъ взадь и впередъ и успокоился нѣсколько передъ упромъ, освѣживъ грудь евою благовоннымъ воздухомъ Сицилійской ночи, Порпретъ Маріи

находился въ одномъ изъ моихъ порпфейлей; я открылъ его и разсмащивалъ это изображеніе, озаренное вѣсѣмъ блескомъ чистоты и невинности: эти черты, сіявшія цѣломудренной скромностью, казалось, упрекали меня за споль оскорбительныя подозрѣнія и жались на мою недовѣрчивость. Горькое, жгучее чувство, подобное угрызенію, овладѣло мной: я былъ готовъ просить прощенія у порптрепа. Наконецъ я успокоился; и зажегши лампу, которую вѣтеръ погасилъ, принялся за напечатаніе журналовъ, котораго не открывалъ еще.

» Пробѣжавъ небрежно нѣсколько политическихъ и ученыхъ извѣстій, я началъ читать ту часть періодическихъ нашихъ листовъ, гдѣ подъ рубрикой: *Городскіе и Придворные Слухи*, собираются съ безстыдною наглостью всѣ соблазнительныя сплетни, разсѣиваемыя въ госпитальныхъ и въ практикахъ. Вдругъ одно странное мѣсто поразило мои взоры и я прочелъ съ ужасомъ, который вы легко можете понять, слѣдующія спроки:

» Много толкуютъ о дочерней нѣжности прекрасной молодой Мисприссъ Ос..., которая вдругъ оставила Бапъ, чтобы слѣдовать за своей больной матерью. Говорятъ, что репутация дочери въ такомъ же опасномъ положеніи, какъ и здоровье матери.»

» Журналъ выпалъ изъ моихъ рукъ. Я называюсь Оспрей. Начальныя буквы, пославленныя журналистомъ, были почъ въ почъ начальныя буквы моего фамильнаго имени.

» Я не больше бы спрадалъ, когдабъ двадцашъ пулъ вдругъ поразили мое сердце. Эпи спроки журнала подлили въ мои подозрѣнія смертельнаго яду и придали имъ ужасную вѣроятность. Я не буду усиливаться описывать вамъ состояніе, въ копоромъ я находился: время текло; на часахъ сосѣдняго монастыря пробило чепыре. Я взялъ машинально другой номеръ погоже журнала, гдѣ, подъ поюже рубрикою, нашелъ опять слѣдующія спроки:

» Несправедливыя внушенія, на счетъ Леди О... и ея семейства, опровергнуты формально, достовѣрными лицами. «

» Я долго думалъ надъ сими спроками и видѣлъ въ нихъ не оправданіе невинности обвиняемой дамы, а только хитрую уловку и непрерѣкаемое доказательство уже поперяной репутаціи. Да и данди не повторялъ ли, что его любовница была свѣдуща въ развращѣ, опытна въ лицемѣріи, богата на выдумки прикрываясь свое распушество, съ глубокимъ прищворствомъ, съ безпримѣрной хитроспью, съ вѣроломствомъ, предъ коимъ должны смиришься искусиѣншія развращенни-

цы? Чѣмъ болѣе я размышлялъ, тѣмъ болѣе увеличивалось мое опчаяніе: голова у меня пылала. Мученіе адское! Дождавшись ушра, я бросился на постель, обливаясь слезами. То жена моя представлялась мнѣ ангеломъ первыхъ дней моей любви, то ненавистнымъ чудовищемъ. Въ безпреспанномъ приливѣ и опливѣ мыслей, я не зналъ, на чемъ остановиться: мнѣ не лзя было щребовать удовольворенія опѣ челоѣка, коего слова въ душѣ моей произвели споль ужасную бурю. Слово Башъ раздавалось въ ушахъ моихъ, какъ звонъ погребальнаго колокола.

» Въ одиннадцатъ часовъ, я пошелъ со двора на удачу; и вскорѣ, по движенію почпи машинальному, дошелъ до одного Бенедиктинскаго монастыря, гдѣ жилъ челоѣкъ, котораго я замѣпилъ еще во время прежняго моего пребыванія въ Мессинѣ. Онъ назывался опцемъ Ансельмомъ, обладалъ необыкновенною пронцапельностью и опровергалъ собой опожешпенно, почпи общую, но ложную и смѣшную, увѣренность, чпо монастыри наполнены одними невѣждами и пунейдцами.

» Не думайте, чпобы способность видѣть сердце челоѣческое принадлежала однимъ свѣтскимъ людямъ: уединеніе пакже даетъ свои уроки. Монахъ, съ наблюдапельнымъ инспинк-

идомъ, знаешь объ васъ и обо мнѣ больше, нежели сколько можете когда-либо узнать любимецъ гостинныхъ и будуаровъ. Сей послѣдній развѣкается; его проницательность переносится на поверхности; умъ, любящій мѣлкія подробности, вязнетъ въ бездѣлкахъ. Напрошивъ опшельникъ, съ смысломъ прямымъ и здравымъ, проникаетъ до глубины неведомой, открываетъ связи и отношенія, недоступныя для другихъ людей, изучаетъ міръ, не видя его, разгадываетъ тайны сердецъ, не персясь самъ въ шумной толпѣ общества, проникаетъ въ небеса и въ преисподнюю, изобрѣшаетъ въ своей кельѣ вещи, кои измѣняютъ шаръ земной: таковъ Рожеръ Баконъ, угадавшій паровыя машины и обращеніе крови; таковы Абельяръ и Оккамъ, приготовившіе скептицизмъ Вольтера! Только мѣлкіе, близорукіе умы издѣваются надъ опшельническою жизнію. Монашество есть пѣсунъ генія, келья—колыбель его! Думаете ли вы, что Іезуиты, двигавшіе вселенной и вымѣливавшіе въ рукахъ своихъ души самодержцевъ, моглибъ воспылать въ себѣ духъ, столь могущественный и столь опасный, среди шума жизни общественной? Никогда! Даже способность къ интригамъ можете развиваться во глубинѣ кельи. Тамъ, въ нѣдрахъ уединенія, предъ лицомъ неба, вдали отъ водненія мятежныхъ помысловъ, отвлекающихъ

насъ отъ самихъ себя, шамъ вырастають и зрѣють духи добра и злобы!

»Отецъ Ансельмъ, Венеціанецъ по происхожденію, представлялъ въ себѣ замѣчательный образецъ свѣтской понкосши и провинциальности, не смотря на заоченіе свое въ монашескомъ одиночествѣ.

»Я имѣлъ къ нему большую довѣренность и думалъ, что онъ меня любилъ. Сицилійскіе духовные, какъ вамъ не безызвѣстно, составляютъ особенное сословіе. Ересъ не слишкомъ пугаешь ихъ; и я нѣсколько разъ слыхалъ отъ отца Ансельма:

»Вы, Англичане, народъ великій; и Богъ не предастъ осужденію такихъ ерешиковъ, какъ вы! «

»Я рассказалъ ему, что меня терзало, и не скрылъ отъ него ни малѣйшей черны изъ моей жизни, ни малѣйшей подробности изъ полученныхъ мною слуховъ. Онъ спокойно выслушалъ меня и отвѣчалъ:

—»Воропитесь домой и приходите опять послѣ вечерень. Можетъ быть, тогда я буду въ состояніи подать вамъ нѣкошорые совѣты. «

»Я пошелъ и заперся въ своей комнатѣ. Товарищей моихъ не было дома; подъ руководствомъ чичероне, они осматривали руины, которыми сія часть Сициліи устѣяна. Я былъ сча-

спливъ, что могъ одинъ предаваться своей горести. Съ неперпѣніемъ ожидалъ я минуты свиданія. День склонялся къ вечеру; у воротъ монастыря одинъ монахъ, изъ ордена нищенствующихъ братьевъ, разговаривалъ съ опцемъ Ансельмомъ; когда они увидали меня, то ихъ взоры устремились на меня, казалось, съ выраженіемъ сожалѣнія. Въ Сициліи, какъ и во всѣхъ оспальныхъ часпяхъ Ипаліи, пайная полиція находилась въ рукахъ духовенства. Я не знаю, о томъ ли, что меня занимало шакъ живо, разговаривалъ опецъ Ансельмъ съ монахомъ; но, когда онъ проснулся съ нимъ, то взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ:

— » Пойдемъ-те! «

»Лице его имѣло болѣе важности, чѣмъ обыкновенно. Мы вошли въ церковь, кошорая была пуста. Вы знаете, какъ прекрасны наши Сицилійскія церкви, въ коихъ теній Арабскаго зодчества соединяется съ духомъ западнаго каподицизма. Вы конечно любовались эпими узорчатыми мозаиками, одѣвающими стѣны и плафоны; эпими рѣзными изображеніями свяпыхъ, ярко расцвѣченными; эпимъ смѣшеніемъ свѣта и мглы; эпими безчиолеными монументами; эпимъ ээирнымъ небомъ, проглядывающимъ сквозь зубчатую рѣзбу и креспообразныя выемки высокихъ сводовъ. Вы видѣли золото и пурпуръ, блискающія въ

часовняхъ: разбирали списхи изъ Корана, еще виднѣющіеся внизу карнизовъ, закопченныхъ дымомъ Хрисціанскихъ свѣчь. Не смотря на сію величественную пышность, я ошупилъ вокругъ себя глубокую, можно сказать, осязаемую пишину, которая обхватила меня, сжала, опягостила свинцовой маншіей — и сказала взволнованной спраслями душъ моей: *умолкни!*

»Опець Ансельмъ привелъ меня во глубину церкви, остановился предъ главнымъ алтаремъ и сказалъ мнѣ:

— »Сынъ мой! хопя мы и принадлежимъ къ разнымъ исповѣданіямъ, преклони здѣсь свои колѣна! Я священникъ и спарець; ты будешь внимать здѣсь совѣшамъ пастыря и чловѣка; и такъ—преклонись не предо мной, а предъ Богомъ, Который насъ поражаетъ и спасаетъ... Помолимся вмѣстѣ! «...

»Смущенный, я повиновался. Послѣ нѣсколькихъ совокупныхъ молишвъ, онъ продолжалъ:

— »Подозрѣнія ваши справедливы! «

»Продолжительный вздохъ вырвался изъ моей груди; я не могъ ничего отвѣчать.

— »Спупайше въ Англію; напишите ващей женѣ, не обнаруживая никакого подозрѣнія; затѣжайше въ Башѣ, гдѣ живетъ женщина, коей молчаніе куплено; ей заплатали за то, чшобъ она

молчала: дайте ей больше, и она будетъ говорить. Но чѣмъ бы ни изобличались вѣдѣнія, прежде нежели подозрѣнія совершенно оправдаются! Когда вы узнаете всю истину, то поступите какъ человѣкъ честный: предоставьте преступницу своимъ угрызеніямъ, или возвратите довѣренность вѣрной супругѣ!

» Въ эту минуту нѣсколько человѣкъ вошли въ церковь: мы спояли пакъ, что я могъ видѣть ихъ, не бывъ ими примѣченъ.

— » Эпо онъ! « вскричалъ я.

» Въ самомъ дѣлѣ молодой Англичанинъ, котораго имя было Сиръ Ормондъ Мондевилъ, вошелъ въ церковь, въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей. Ничего не было удивительнаго, что, пріѣхавъ въ Мессину, онъ поспѣшилъ взглянуть на эпо замѣчательное зданіе, представляющее одну изъ живописнѣйшихъ рѣдкостей Сициліи. Опець Ансельмъ увидѣлъ мое движеніе и удержалъ меня.

— » Я спокойнѣе, чѣмъ вы « — сказалъ онъ — » я хочу поговорить съ нимъ: вы должны молчать. «

» Монахъ поклонился Сиру Ормонду и обратилъ его вниманіе на одну старинную прекрасную статуя изъ бронзы, споявшую по правую сторону главнаго алтаря. Я старался

ся завести разговоръ съ офицеромъ, который вошелъ съ нимъ въ церковь; не знаю, что я говорилъ съ нимъ; знаю только, что я не могъ связать ни двухъ словъ, ни двухъ мыслей, и увѣренъ, что онъ счелъ меня за сумасшедшаго или за дурака.

»Ансельмъ выражался весьма легко и краснорѣчиво: его вѣжливость съ Сиромъ Ормондомъ изумила меня. Не смотря на лихорадочный знобъ и жаръ, въ который меня бросало, я былъ пораженъ необыкновенностью его обращенія. Казалось, что онъ присупалъ къ физическому опыту. Его хладнокровіе сообщилося мнѣ, проникло въ мою душу; я слѣдовалъ за нимъ въ молчаніи и гораздо спокойнѣе, гораздо внимательнѣе.

»Прежде еще, я далъ монаху самыя подробныя и точныя свѣденія о моей женѣ, о ея характерѣ, о ея черпахъ, звукѣ голоса, цвѣтѣ волосъ, фигурѣ лица и выраженіи фізіономіи. Съ живописію говорилъ онъ съ Сиромъ Ормондомъ и оспанавливалъ его вниманіе на изображеніяхъ священныхъ, украшавшихъ храмъ: пользуясь Италіанской свободой разбирать криптически ихъ художественное достоинство, онъ выпрашивалъ у молодого человека мнѣніе о ихъ опносительной красотѣ, извлекая нравственные результаты изъ ихъ меланхолической или суровой наружности. Когда Сиръ Ор-

мондъ говорилъ, проникающей взглядъ Ансельма нисходилъ во глубину души его: но мой соотечественникъ оспавался хладнокровнымъ и спокойнымъ; все это метафизическое испытаніе, чудо созерцающей наблюдательности и умственного испязанія, кончилось тѣмъ, что обнаружило въ немъ сердце холодное, чувствва прищупленныя, ложный вкусъ къ изящнымъ искусствамъ, душу неспособную ни къ какой истинной справси. Напрасно Ансельмъ перещупывалъ все, что только есть нѣжнѣйшаго и чувствительнѣйшаго во глубинѣ души человѣческой: ни одного опзвукъ не нашелъ онъ въ сердцѣ данди. Въ различныхъ выходкахъ онъ обнаружилъ въ себѣ одинъ легкомысленный и безопчепный эпикуреизмъ, смѣшанный съ хваспливостью безразсуднаго повѣсы; и по томъ, не зная, что выдалъ въ чужія руки ключъ къ сокровеннѣйшимъ своимъ шайнамъ, поблагодарилъ Ансельма за его вѣжливостъ и ушелъ.

— »Вы видите этого чловѣка« — сказалъ мнѣ монахъ: »женщина, копорая могла ущупишь ему, не заслуживаешь сожалѣнія; ибо онъ неспособенъ къ угрызеніямъ. Инприга, о копорой онъ проговорился, есть дурачество молодого повѣсы: если по несчастію жена вада виновна, вы должны забыть ее навсегда.«

— » Она умретъ! « вскричалъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня спрого.

— » Пресупленіе такого рода не заслуживаетъ вашего гнѣва и должно излѣчить васъ отъ всякой спраспи. Испышаніе, копорому подвергъ я молодаго челоуька, не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ никогда не любилъ, не любитъ и не можетъ быть любимъ. Любовь истинная, глубокая, даже и тогда, когда ее не раздѣляютъ, кладетъ печашь свою на любимой особѣ. Повѣрьте мнѣ, эти люди сдѣлались преступниками, безъ всякаго оскорбленія для васъ. Въ случаѣ, если подозрѣнія ваши оправдаются, благословице небо: оно освобождаетъ васъ отъ подруги, копорая раньше или позже обезчестила бъ васъ непременно. «

» Слова Ансельма казались мнѣ прорицаніями: я не спарался понимать и изслѣдовать ихъ. Мнѣ нуженъ былъ руководишель; и я слѣдовалъ за нимъ безъ размышленія.

» Но усиливаясь изгнать образъ Маріи изъ души моей было бесполезно: я не могъ опороваться отъ моей первой, отъ моей единственной любви. Все напоминало мнѣ ея красоту, ея проспосердечіе, ея крепость, особенно нѣжную разборчивость ея сердца, копорая такъ прошиворѣчила грубому распушству, приписываемому любовницѣ Сира Ормонда.

Телеск. Ч. IX.

12

Между тѣмъ моя первая яроснь прошла. За ней слѣдовала грусть болѣе шихая и, если можно такъ выразиться, болѣе упонченная. О! какъ я проводилъ эти дни! Поперянь мое единственное утѣшеніе, единственную поддержку, единственную любовь, единственную надежду моей жизни!

»Черезъ два дня я отправился въ Англію и, по прибытіи въ Фальмутъ, немедленно бросился въ Батъ. Тамъ оспались слѣды преступленія; тамъ ожидали меня единственные указанія, копорыхъ я могъ надѣяться. И вопъ я передъ шракиромъ, о которомъ говорилъ Сиръ Ормондъ; вхожу — все сущесво мое содрогнулось опъ ужаса. Женщина среднихъ лѣтъ и довольно пріятной наружности явилась ко мнѣ: то была хозяйка дома. Мнѣ подали чаю. Подъ предлогомъ, что я давно покинулъ Англію и хотѣлъ навѣдаться о нѣкоторыхъ обстоятельсвахъ, относительно здѣшней стороны, я попросилъ служанку предложить хозяйкѣ, не угодно ли ей со мной вмѣстѣ напишся чаю.

»Я доспигъ до своей цѣли и гошовъ былъ вступишъ въ разговоръ съ тою, копорая владела пагубною пайною. Она вошла въ комнату; и первыя слова, копорыми я началъ съ ней бесѣду, были такъ несвязны, что изумили ее. Я былъ слишкомъ занятъ единствен-

нымъ предметомъ, лежавшимъ у меня на сердцѣ, такъ что всѣ прочія мои рѣчи были темны и сбивчивы. Я переходилъ отъ одного предмета къ другому и напрасно усиливался дать разговору порядокъ и послѣдовательность, необходимыя для того, чтобъ внушить довѣренность хозяйкѣ. Когда я увидѣлъ, что она смопрѣла на меня изумленными взорами, то сказалъ наконецъ:

— »Извините меня, сударыня; вы конечно примѣчаете мое безпокойство; я глубоко оскорбленъ и долженъ объяснить для себя ужасныя подозрѣнія: жена, которую я обожаю, возбудила мою ревность; и гореснь, чувствуемая мной, должна изображаться во всѣхъ моихъ рѣчахъ.

» Я увидѣлъ, что сердце этой женщины приняло участіе въ моей печали и что любопытство ея пробудилось.

— » Ахъ! продолжалъ я: мѣсто, гдѣ я теперь нахожусь, еще болѣе расправляешь мои раны. Если вѣришь слухамъ, дошедшимъ до меня въ чужой споронъ, то въ Банѣ именно совершенно пресшупленіе, которое меня приводитъ въ опчаланіе! «

» По мѣрѣ какъ я говорилъ, украдкою наблюдалъ я за фізіономіей хозяйки, коей смущеніе возраспало въ продолженіе моего разговора.

*

— » Я не сполько знаю Батъ « — продолжалъ я ,пономъ сколько можно хладнокровнымъ— »чтобъ собратъ досповѣрныя свѣденія о предметѣ, который меня занимаетъ такъ ужасно. Я знаю только, что человекъ, которому слухи приписываютъ оскорбленіе моей чести, что это человекъ — Сиръ Ормондъ Мондевилъ. «

» Хозяйка поблѣднѣла; я припворился, что ничего не примѣчаю.

— » Я былъ на службѣ въ чужихъ краяхъ. Жена моя съ матерью прїѣзжала на нѣскольکو дней въ Батъ. Вотъ какъ рассказывали мнѣ о моемъ безчестіи и злополучіи: Сиръ Ормондъ дожидался ихъ въ одномъ шракпирѣ Бата или окреспіноспи. « . .

» Тракпирщица, которая держала чашку въ рукѣ, запрепешала и пролила все, что въ ней было, на споль.

— » Молодая женщина, кто бы она ни была, подъ предлогомъ шяжкой болѣзни, попребowała особенную комнашу. Среди ночи, хозяйка, услышавъ шумъ въ комнатѣ, вошла туда; Сиръ Ормондъ Мондевилъ былъ тамъ; ей предложено было опъ него спо фунповъ сперлинговъ; и она общала молчашъ. . . «

» Я думалъ, что шракпирщицѣ сдѣлается дурно.

» Свѣденія, доставленные мнѣ опцемъ Ансельмомъ, были весьма почны. Я пакъ искусно пришворился въ совершенномъ невѣденіи этой важной роли, которую сама хозяйка играла въ эпомъ приключеніи, и между тѣмъ зналъ все пакъ обстоятельно, что наконецъ вынудилъ у ней сознаніе, что все это было правда и что пракириъ ея былъ театромъ этой ецены. Я не хотѣлъ простираиъ дальше розысковъ и на другой день отправился въ Лондонъ, не сказавъ ей своего имени. Мнѣ оставалась одна слабая и послѣдняя надежда, возможность какой-нибудь ошибки, какого-нибудь недоразумѣнія, которое моглобъ оправдать Марію и возвращишь мнѣ мое счастье. Вообразишь, съ какимъ прешепаніемъ сердца увидѣлъ я домашній кровъ свой!

» Марія, увидѣвъ меня, бросилась ко мнѣ въ объятія съ измѣненіемъ чувствительности, которое сначала меня пронуло; но, подумавъ о ея вѣроломствѣ, я почувствовалъ на груди у себя жало змѣи и едва удержался, чтобъ не опшолкнулъ ея. Съ какимъ маперинскимъ восторгомъ говорила она о красотѣ нашихъ дѣшей, о ихъ младенческихъ прелестяхъ и о своихъ надеждахъ! И какъ спрадалъ я тогда опъ того, что, безъ роковаго приключенія, упоило бы меня неизреченнымъ блаженствомъ! Каждое біеніе моихъ жилъ было для меня несстерпимою болью;

каждое слово ея наносило мнѣ ужасную рану. Марія плакала, вся въ волненіи опѣъ внезапной радости; и какъ я наблюдалъ ее съ мрачнымъ видомъ, то мнѣ показалось, что въ глазахъ ея сверкалъ какой-то необыкновенный блескъ; исключая это, все дышало въ ней чистосердечіемъ и нѣжноспью. Но я видѣлъ одну хитрость и прищворство. Она привела ко мнѣ дѣтей съ радостью и порожествомъ мапері: смотря на нее, нельзя было сохранить ни малѣйшей тѣни подозрѣнія; но она отвернулась; я подглядѣлъ за ней и увидѣлъ, что она украдкой отерла слезы, выкашавшіяся изъ глазъ ея. Это было для меня признакомъ угрызенія, изобличившагося невольно, свидѣтельство тайнаго сокрушенія, возбуждаемаго раскаяніемъ въ душѣ, еще не совсѣмъ развращенной.

»Я не знаю, примѣшила ли жена моя принужденіе и безпокойство, въ копоромъ я находился; съ минушу продолжалось между нами взаимное молчаніе и смущеніе; наконецъ я принялъ вдругъ рѣшительное намѣреніе.

— »Уведице дѣтей къ кормилицѣ,« сказалъ я.

»Дѣтей опвели, я все оспавался въ молчаніи. Марія оппустила ихъ, не сказавъ имъ ни слова, не оказавъ имъ ни малѣйшей ласки; ея оцѣпененіе довершило мою увѣренность. Ко-

гда дверь затворилась, я посмопрълъ на нее; она была покрыпа блѣдностью и спояла безмолвно, успремивъ на меня дикій взглядъ.

— » Сударыня! « продолжалъ я: » не угодно ли вамъ опвѣчай мнѣ на нѣкоторыя вопросы? «

» Она молчала.

— » Когда познакомились вы съ Сиромъ Ормондомъ Мондевилемъ? «

» Никакого опвѣща.

— » Не во время ли пупешеспвія вашего въ Батъ? «

» Тоже молчаніе.

— » Опвѣчай мнѣ, несчастная женщина! Я бы отдалъ все на свѣтъ, чпобъ испоргнуть тебя опъ безславія, коимъ ты покрыпа. Опвѣчай! «

» При сихъ словахъ я вспалъ; она также вспала, пропянула ко мнѣ руки; попомъ захохотала дикимъ, судорожнымъ смѣхомъ, споль ужаснымъ, споль отвращительнымъ, чпо вы содрогнулись бы, и я дрожу еще и теперь при одномъ воспоминаніи. Попомъ посмопръла на меня съ минушу съ видомъ шоржесшвеннымъ и упала на полъ. Я приказалъ слугъ опнести ее къ себѣ комнашу. Оспапкъ нѣжноспи говорилъ мнѣ за нее; я подалъ ей всѣ нужныя пособія и, какъ скоро она опамя-

шовалась, поскакалъ немедленно къ отцу ея. Это былъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ спарцевъ Англійской аристокраціи: человекъ холодный, испытанной честности и рѣдкаго ума. Я былъ такъ проникнутъ горестію, что, едва увидѣлъ его, слезы хлынули у меня изъ глазъ.

»Его холодность меня изумила. Она пропиворѣчила моему волненію и, казалось, меня упрекала. Съ видомъ чиннымъ и церемоннымъ спросилъ онъ меня, за чѣмъ я пріѣхалъ въ Англію, давно ли здѣсь и долго ли намѣреваюсь остаться. Я увѣрилъ себя, что онъ знаетъ уже проступокъ своей дочери и что его холодность со мной не что иное, какъ средство отклонить отъ себя упреки, кошорые я могъ ему сдѣлать. Правда, и прежде я всегда видалъ его холоднымъ, спешеннымъ; враги его упрекали въ спеси и починпали аристокрапическою надменностью его чиновность въ обращеніи. Но въ томъ разспроенномъ положеніи, въ какомъ я былъ, холодность сія показалась мнѣ ругательствомъ надъ моимъ волненіемъ. Я вооружился мужесствомъ; слезы мои изсякли; и, въ свою очередь, я расказалъ ему, пономъ спокойнымъ и сосредоточеннымъ, происшедшее со мной въ Мессинѣ и пушешествіе мое въ Батъ. Я не скрылъ отъ него ни малѣйшей подробности, ни чпенія

роковой спашы журнала, ни совѣшовъ отца Ансельма, ни разговора моего съ шракширицей.

» Онъ слушалъ меня въ молчаніи. Дочь его казалась пораженною; онъ былъ только внимателенъ. Нѣсколько разъ прошелъ онъ взадъ и впередъ по галлерей съ видомъ задумчивымъ, попирая себѣ лобъ, но не изобличая никакого волненія ни словами, ни пѣлдвиженіями.

— »Да! эшо не совсѣмъ не возможно!« сказалъ онъ мнѣ попомъ, оспановясь передо мной, сложивъ руки.

»Эшо былъ одинъ изъ пѣхъ глубокихъ характеровъ, кои умѣюшъ владѣшь собой во всѣхъ обшояпельствахъ и выражаюшъ одну мысль однимъ словомъ, скрывая большую часть ея. Онъ продолжалъ однако:

— »То, что вы говорише, очень странно: но мы увидимъ! «

» Слеза выкапилась изъ глазъ его; и онъ спѣшилъ ее ушерепъ. Горестъ доспопочпеннаго Лорда, эшо сугубое оскорбленіе родипельской гордосши и любви, эпа слеза, испоргнушая у спарца всегда шихаго и владѣющаго собой, попрысли меня до глубины души. Я вскочилъ опромелью. Все, казалось, подшверждало мои подозрѣнія.

— »Я їду сей-часъ«—сказалъ я: »покамѣспъ

я буду жить въ домѣ моей мапери, куда хочу перевестись и дѣшей моихъ! «

— » Вы не шеряли времени, государь мой, и спѣшите такъ скоро; впрочемъ, я побываю у васъ сегодня. «

» Мы распались холодно. Я рѣшился какъ можно скорѣе принять всѣ мѣры, необходимыя для развода, и не сомнѣвался ни минуты въ справедливости своихъ подозрѣній. Если не доспавало оффиціальныхъ докуменповъ пресипуленія, то нравственныхъ было слишкомъ много: разспройство Маріи, молчаливость ея опца, смущеніе и признаніе пракширицы, начальныя буквы въ журналѣ, путешествіе въ Батъ, которое находилось и въ расказѣ Сира Ормонда и въ письмѣ моей жены и въ спашѣ журнала. Голова моя горѣла, все шѣло шрялось, когда я пріѣхалъ къ моей мапери. Ласки дѣшей моихъ, за которыми я послалъ, не прогали меня. Мапери моей, которой расказали о положеніи жены моей и нечаянномъ моемъ опѣздѣ, не было дома. Я узналъ послѣ, что она опсправилаь ко мнѣ; но въ первую минушу, опсутствіе ея меня изумило. Не ужели она боишя, думалъ я, увидѣшь несчастнаго сына и упрекаетъ себя, что не предупредила моего злополучія спругими совѣсами и бдишельнымъ надзоромъ? Ахъ, я былъ несправедливъ!, я забылъ, что

первое движеніе матери естъ броситься къ спраждущему сыну!

» Я кинулся на софу и ожидалъ ее въ ужаснѣйшей пискѣ. Въ ту минуточку, какъ я вспалъ было, чѣмъ-то за ней самому, она ворошила; и чрезъ нѣсколько минутъ доложили о пріѣздѣ Лорда Барндаля, опца Маріи. Мать моя только что имѣла время сказать мнѣ нѣсколько словъ:

— » Я сейчасъ опъ шебя: жена швоя уѣхала въ наемной каретѣ, не сказавъ никому — куда. «

» Лордъ Барндаль также былъ у меня; на лицѣ его изображались горестъ и рѣшительность.

— » Государь мой! « сказалъ онъ мнѣ: » я думаю обо всемъ, что вы мнѣ рассказали; не будемъ шупить нашимъ общимъ спокойствіемъ и счастьемъ. Можетъ быть, здѣсь естъ опибка. Возьмемъ почтовую коляску и поѣдемъ вмѣстѣ сіюжъ минуточку къ этой женщинѣ, копорая конечно насъ не обманетъ. Мы заплашимъ ей, чѣмъ-то получить опъ ней полныя свѣденія. Поѣдемъ-ше! «

» Его руки сжимались судорожно. Я взялъ свою шляпу. Мы опправились и во всю дорогу ни слова. Въ попже вечеръ довольно рано мы пріѣхали къ шракширу. Каковожъ бы-

до мое удивленіе или лучше негодованіе, когда я увидѣлъ Марію въ пріемной залѣ! И шакъ она пріѣхала обезпечиться въ скромности пракширщицы! Одно присущствіе ея здѣсь было уже очевиднымъ свидѣтельствомъ ея преступленія. «

— » Вы здѣсь, сударыня! « сказалъ я ей: » какъ вы сюда попали? За чѣмъ? .. кпо вамъ сказалъ, что я былъ здѣсь прежде васъ? .. О! не надѣйпесь. . . «

» Она перервала меня, дернувъ быспро за снурокъ колокольчика; пракширщица явилась. Марія хопѣла говоришь съ ней; я не допустилъ ее и сказалъ самъ хозяйкѣ пракшира:

— » Леди Оспрей провела ночь у васъ въ пракширѣ въ одной комнашѣ съ Сиромъ Ормондомъ? .. «

» Хозяйка поблѣднѣла и молчала.

— » Вы мнѣ эшо говорили, « продолжалъ я: » не шакъ ли? «

— » Да, сударь! «

— » Имя ея? Отвѣчайпс. Какъ имя эшой женщины? «

— » Вы ее назвали. «

— » Леди Оспрей. «

— » Да! «

— » Я хочу говоришь съ нею « — сказала задыхающимся голосомъ Марія, кошорая, будучи съ младенчества подвержена сильнымъ

препешаніямъ сердца, положивъ руку на грудь, едва могла произнести эпи немногія слова. Она вспала, дрожа всѣмъ тѣломъ, и успремивъ взоры на практирищицу, продолжала:

— » Я ли Леди Оспрей? «

» Хозяйка молчала нѣсколько минутокъ; она, казалось, колебалась и сказала наконецъ:

— » Нѣтъ, сударыня! «

— » Эпи хипроспи не обманушь меня, Марія: швоя выдумка бесполезна. Сколько ты заплашила этой женщиной? Сиръ Ормондъ далъ ей сто гиней. «

» Марія взглянула на меня. При имени Сира Ормонда, практирищица запрепешала и я обратился къ Лорду Барндалю:

— » Должно ли «—сказалъ я ему—» дорожиться съ этой женщиной, чшобъ купишь у ней правду! «

— » О! нѣтъ! « отвѣчалъ онъ.

» Его швердоспъ не устояла.

— » Марія! « вскричалъ онъ: » ты, копорую я пакъ любилъ! возможно ли это? отвѣчай мнѣ: шочно ли ты предалась этому человеку? «

— » Вы еще не убѣждены! « сказала Марія: » хорошо! вопъ все, чѣго я пребую: поѣдемъ-ше въ Башъ. Исполните мою просьбу; и эта женщина должна ѣхашъ съ нами. Бапюшка! будыше моимъ покровишелемъ! «

» Она спрадала жестоко, усиливаясь произнести сїи слова.

— » Сдѣлаемъ по ея « сказалъ Лордъ Барндаль: » еще будетъ время рѣшиться послѣ. «

» Тракширщица сначала отказывалась ѣхать съ нами; но Марія сказала ей повелительнымъ тономъ и съ силой, которая изумила меня:

— » Вы должны это сдѣлать. «

» Внезапная переменѣна, происшедшая съ ней, увеличила мое негодованіе. Какимъ образомъ эта женщина, шакъ нѣжная и шакъ слабая, могла вдругъ принявъ споль надменный видъ и шонтъ, нарушавшій всѣ приличія! Мы ошправились.

» Лордъ Барндаль сѣлъ въ почтовую коляску съ своей дочерью; я съ шракширщицей находился въ другой. Три раза должны мы были оспанавливаться, чшобъ подать помощь Маріи, которая лишалась памяти; шракширщица казалась въ сильномъ волненіи и почти была неспособна отвѣчать на мои вопросы...

» Когда мы выходили изъ кареты, Марія показывала видъ, чшо не обращаетъ на меня никакого вниманія. Я не понималъ, какое намѣреніе одушевляло ее. Прибывши въ Батъ, она велѣла почмальону ѣхать въ гостиницу,

На улицѣ Пюльшней, которую означила весьма почно. Когда наши карепы оспановились, Марія вышла первая, поспучала въ дверь, приказала лакею попросить госпожу его вышпи на минушу и дала намъ знакъ слѣдоващъ за ней. Мы всѣ находились въ пріемной залѣ эпого неизвѣснаго дома, когда вышла къ намъ госпожа его; но едва пересступила она порогъ, какъ пракширщица, выступивши впередъ и посмотрѣвъ на нее приспально, сказала:

— » Вошъ Леди Оспрей! «

» Дама поблѣднѣла, ошступила къ дверямъ и, казалось, признала пракпирищицу.

— » Вы ошибаетесь, « сказала она ей: » я называюсь Леди Гишспонъ! «

— » О! нѣшъ, нѣшъ! « вскричала пракширщица съ сильнымъ движеніемъ: » вы мнѣ скажали ваше имя, вы сами — въ шу ночь, когда вы прѣхали въ мой пракширъ съ Лордомъ Мондевилемъ и когда я васъ заспала! Эша молодая дама «—прибавила она, указывая на Марію, кошорой сдѣлалось дурно во время эпого объясненія — » эша дама кваршировала так же у меня и васъ видѣла; она кланялась съ вами по ушпру, когда вы ошправились съ Сиромъ Мондевилемъ. «

— » Здѣсь еспъ какая нибудь ошибка, « прервала Леди Гишспонъ: » чшо вы хопише сказать? «

» Я приблизился къ Леди Гипспонтъ, прося Лорда Барндаля позаботиться о Маріи.

— » Сиръ Ормондъ, сударыня « — сказалъ я ей — » Сиръ Ормондъ, котораго я имѣлъ удовольствіе видѣть въ Мессинѣ, не даромъ хвалилъ вашу опытность и искусство, но онъ теперь вамъ не поможетъ. Возвратите немедленно Леди Оспрей ея имя и честь... «

» Она бросилась на софу и, закрывъ руками лицо, вскричала:

— » Какъ! вы его видѣли въ Мессинѣ! «

— » Оспавимъ эту женщину « — сказалъ мрачнымъ голосомъ Лордъ Барндаль, который не могъ привеспи въ чувство Марію.

» Мы положили ее въ коляску, умирающую, почти бездушную, неспособную чувствовать радости, которую должна была причинить ей невинность, такъ торжественно признанная. Ахъ! сударь! что мнѣ сказать болѣе! Два мѣсяца она помиралась... проспала меня... и... умерла отъ аневризма въ сердцѣ, произведеннаго столь ужасными потрясеніями.

» Огорченный отецъ объявилъ, что не хочешь болѣе меня видѣть. Я имѣлъ несчастье поперять обоихъ моихъ дѣтей. Что оставалось мнѣ дѣлать въ свѣтѣ? Я ворошилъ въ Сицилію, гдѣ надѣялся найсти еще Лорда Мондевиля, которому хотѣлъ опмѣнить

за бѣдспівія, въ кои ввергало меня его вранье, и за гнусный подлогъ имени, запятнавшій честь моей жены: онъ отправился въ Индію съ порученіемъ правительсва. Отецъ Ансельмъ приспособилъ меня къ монастырю, гдѣ я теперь имѣю убѣжище. Ахъ! всѣ мѣста равны мнѣ! Посреди сполъ ужасныхъ горешей, у меня оспалась одна мысль, одно чувство — ненависти! Я гнушаюсь этими обществеными учрежденіями, копорыя осудили меня на несчастіе. Ахъ! бракъ, бракъ!... Владѣть женщиной, любить ее, почитать своей и—препешать всегда; быть въ вѣчномъ сомнѣніи, не получаетъ ли другой даромъ то, что опдаетъ намъ законъ и въ чемъ сердце, можешь быть, опказываетъ; никогда не быть вполнѣ увѣрену, что желанія и обыты вашей супруги опносяся къ однимъ вамъ, принадлежатъ вамъ однимъ; беречь и воспитывать для домашняго обихода пріятелей эти слабыя, эти нѣжныя существа, копорыя, обожая, можно разрушить, и копорымъ въ дань приносимъ мы незаслуженное благоговѣніе, сокрушивъ ихъ прежде незаслуженною несправедливостью! «

IV.

СИНЕЗІЙ,

ХРИСТИАНСКИЙ ПОЭТЪ IV ВѢКА.

(ИЗЪ ВЪЛЪМЕНЯ)

Характеръ первыхъ четырехъ вѣковъ нашей эры особенно замѣчательнъ тѣмъ, что воздвигаемые христіанствомъ геніи являлись въ одно и тоже время на всѣхъ концахъ Римской Имперіи. Тоже идеальное вдохновеніе, которое замѣнило собою древнюю мифологію и коего изящныя образцы находимъ мы въ твореніяхъ Св. Григорія Назіанзина, является въ такомъ же самобытномъ блескѣ, въ гимнахъ Синезія, Епископа Пполемаидскаго, современника Злапоуша. Сочиненія его суть любопытный памятникъ гражданской образованности, царствовавшей еще въ IV вѣкѣ въ Киренаикѣ, странѣ Южной Африки, населенной въ древности Спаршанцами, бывшей некогда время соперницей Карфагена, подпавшей въ послѣдствіи подъ власть Египетскихъ Пполомеевъ и завѣщанной однимъ изъ нихъ въ наслѣдство Римлянамъ, которые, въ началѣ объявивъ ее вольною, вскорѣ подчинили оную Претору острова Криша.

Сія плодоносная страна, названная въ спискахъ Пиндара садомъ Афродиты и бывшая долгое время знаменитою часнью восточнаго

купечества, много упростила своего блеска и величія. »Я оплакиваю« — говорилъ Синезій—»славную землю Киринейскую, въ коей жили Карнеады и Ариспиды.« Самая столица обезлюдѣла и почти была разрушена; но въ ея области находились еще чепыре великіе города: Вереника, Арсиное, Аполлонія и Пполеманда.

Тамъ-то около половины IV-го столѣтія, опъ богатыхъ, знаменитыхъ родителей родился Синезій. Онъ не былъ, подобно большому числу христіанскихъ проповѣдниковъ своего времени, приуготовленъ къ энтузіазму уединеніемъ и сурогою опшельнической жизни, не смотря на то, что христіанство издавна уже существовало во всей Киренаикѣ. Синезій въ началъ получилъ образованіе философическое. Онъ ходилъ въ Александрію слушать уроки знаменитой Гипатіи, которая, прекрасная, краснорѣчивая, добродѣтельная, преподавала восхищеннымъ своимъ слушателямъ математическія истины и казалась величественною музою, воздвигнутою для защиты язычества.

Послѣ школъ Александрійскихъ, Синезій посѣщалъ Аѳинскія школы, ища мудрости, которую оспаривали другъ у друга различныя партіи и секты философическія и религіозныя. Возвратясь въ опчество, онъ продолжалъ заниматься тѣми же науками. Сograж-

дане Синезія, опягощаемые и правленіемъ Констанцинопольскимъ и набѣгами варваровъ, отправили его посломъ къ двору Аркадія, около того времени, какъ Св. Златоустъ изгнанъ былъ изъ Констанцинополя. Синезій произнесъ предъ слабымъ Императоромъ рѣчь о должностяхъ Государей, кою оспанется памятникомъ истинной, чистой философіи. Онъ не убоился порицать въ рѣчи сей Византійской Дворъ и поспыдную робость, побуждавшую Императора ввѣрять военныя должности при дворѣ и въ войскахъ иноплеменикамъ варварскаго происхожденія. Таковыя порицанія не походили на шѣ, коими оглашалась христіанская кафедра; онѣ были полезны для народа, возбуждая въ немъ любовь къ опечесству и мужесство.

Синезій былъ женатъ, владѣлъ обширными помѣстьями и любилъ забавы и празднества; охоша и сельскіе шруды занимали его не менѣе философіи Платона. » Въ моихъ рукахъ «— говоритъ онъ самъ—» не пакъ часпо бываетъ перо, какъ спрѣлы и лопаха. «

Спокойная жизнь, богашества Синезія и добрая о немъ слава должны были обратишь на него взоры Христіанской церкви, поспоянно одушевляемой прозелитизмомъ, покорившимъ владычеству его Римскую Имперію. Синезій, по опличному своему образованію, а можетъ

быть, и по привязанности къ удовольствіямъ свѣта, не могъ раздѣлять мечты Платониковъ, мнившихъ увѣковѣчить въ Александріи и Аѳинахъ существованіе язычества, которое преобразили они спранныю смѣсью опвлеченностей и иллюминапизма: но онъ твердо держался нѣкоторыхъ метафизическихъ идей, мало согласныхъ съ Христіанскимъ Богословіемъ. Вѣруя въ безсмертіе души, онъ не допускалъ вѣчности мукъ, принималъ чиспыя идеи христіанъ о сущности Божества, но осуждалъ и пренебрегалъ ихъ пренія о догматахъ вѣры. Нельзя было ожидать, чшобы Синезій, наслаждаясь миромъ разсудка, счастливою жизнію, успремился къ алшарю поржествующей вѣры, съ тою же самою рѣвностію, которая нѣкогда привлекала споль многихъ людей къ алшарю, окруженному гоненіями и шайнштвенностію.

Простое принятіе Христіанской вѣры, увлекавшее въ первые вѣки энтузіазмъ и любопытство, спановилось недоспапчнымъ, когда власпъ и шолпа перешли на спорону христіанъ. Обращеніе къ Христіанству значило походить на всѣхъ; и шѣмъ обольспительнѣе было для самолюбія сохранить философскую независимость, которая, оптвергая древнія басни и не принадлежа совершенно ново-

му закону, сама для себя шворила и свою вѣру и свое богочипаніе.

Въ такомъ положеніи души находился Синезіѣ, ученый, богатый, счастливый, уважаемый своими согражданами. Христіане усугубляли свои усилія, чпобъ привлечь его къ своей вѣрѣ. Многіе знаменитѣйшіе Епископы воспока вели съ нимъ о шомъ переговоры. Жишели Пшолемаиды желали имѣть его своимъ Свяшциелемъ. Александрійскій Папріархъ Теофилъ убѣждалъ Синезіѣ къ принятію сего сана. Синезіѣ не соглашался, пропшвпоспавляя свои склонности и образъ мыслей. Онъ показалъ себя довольно добродѣтельнымъ для философа, но не для Епископа, ибо имѣлъ высокое понятіе объ обязанностяхъ и трудахъ сего сана. »Помысли«—писалъ онъ къ своему брату—»чпю я раздѣляю шеперь время между удовольствіями и науками. Когда я озираю небесное, шо вхожу въ самага себя; въ удовольствіяхъ же напрошивъ, я человекъ самый общежительный. Но Епископъ долженъ быть человекъ Вожій, непричастный никакому удовольствію, окруженный многочисленными взорами, слѣдующими за его жизнью, заняшый небомъ не для себя, но для другихъ; ибо онъ есть учитель закона, и долженъ говорить какъ законъ.« Другая причина опказа Синезіева было его супружество. »Самъ Богъ«—говорилъ онъ—

«законъ и рука Теофила дали мнѣ супругу; и я объявляю и ушверждаю, что не хочу разлучиться съ нею, ни жить съ ней, какъ прелюбодѣй, въ тайнѣ.» И принятіе Синезіемъ Свяшительскаго сана казалось для воспочныхъ Епископовъ споль полезнымъ Христіанству, что они уважили всѣ его предспавленія и позволили ему имѣть жену и не измѣнять своего образа мыслей.

Подъ симъ условіемъ Синезій спалъ Пполемаидскимъ Епископомъ. Не видно, чтобы жизнь его измѣнилась въ семъ новомъ званіи: изученіе свѣтской философіи, удовольствія сельской жизни, изящныя искусство и поэзія по прежнему занимали его. Къ симъ занятіямъ онъ только присоединялъ размышленія о Священномъ писаніи и благодѣтельные труды Епископскаго сана. Впрочемъ онъ былъ равнодушенъ къ опвлеченнымъ богословскимъ полкамъ, коими погдашнее духовенство ушомляло умы народовъ. Въ прекрасномъ уединеніи Ливійскомъ, посвящалъ онъ свое краснорѣчіе полезнѣйшимъ предметамъ: часпо въ спихахъ изящныхъ и благозвучныхъ прославлялъ тайны христіанской вѣры, величіе Божіе, непоспижимое его могущество, ш. е., проичное единство, искупленіе душъ, прекращеніе кровавыхъ жершвъ и начало крошчайшаго закона въ мірѣ.

Сими испинами преисполнены пѣсноуѣнія поэта-философа и Хриспіанина. Въ нихъ виденъ ученикъ Платона и подражатель древнихъ стихотворцевъ Греціи; но нѣкопорый опшѣнокъ религіозной метафизики, въ которомъ заключается поэзія мыслей, придаетъ звукамъ его лиры прелестъ оригинальности, безъ коей нѣтъ генія. Греческій Епископъ IV столѣтія иногда походитъ въ своихъ гимнахъ на нѣкопрыхъ мечтательныхъ метафизиковъ и поэтовъ, порожденныхъ религіознымъ энтузіазмомъ новѣйшей Германіи. Сіе сближеніе не должно насъ удивлять. Предъ сходствомъ нравственнаго положенія разстояніе вѣковъ исчезаетъ. Просвѣщеніе и необходимость вѣрованія, упадокъ древняго богослуженія, уединенный энтузіазмъ, замѣнившій собою обязанности успарѣваго вѣроисповѣданія и вскорѣ оказавшійся равно недоспапочнымъ, наконецъ приняшіе новой вѣры, въ коей умъ, пораженный упомненіемъ, часто мнитъ находить свои собственные мысли и оспанавливаются на правилахъ, кои онъ произвольно замѣняетъ: таковы вкупренній нравственный переворотъ, черезъ который прешли многіе изъ Германскихъ писателей, бывшіе попеременно то деиспами, то каполиками. Воображеніе, имѣющее въ энтузіазмъ и опвлеченностяхъ своихъ многія опношенія съ поэзією сѣверныхъ народовъ,

еще сильнѣе доказываепѣ истину сего сравненія. Но послушаемъ нѣкопрыхъ гимновъ женапаго Епископа Пшолемаиды, хрисіанскаго философа и поэпа, копорый къ догмапамъ вѣры присоединяепѣ воспоминанія о Плапо-нѣ.

— »Приди ко мнѣ, сладкозвучная лира, и послѣ
»спарца Θεосскаго и пѣвицы Лесбійской, впоръ
»гласомъ болѣе важнымъ, спихамъ, кои воспѣ-
»ваюпѣ не юныхъ дѣвъ съ сладоспною улыб-
»кою, не красопу юныхъ супруговъ. Чисное
»вдохновеніе Божеспвенной премудрости ве-
»липѣ мнѣ наспрѣипѣ лиру для священныхъ
»пѣсней и бѣжашъ сладкихъ оправъ земной
»любви. И чпо, въ самомъ дѣлѣ, сила, кра-
»сопа, злапо, честь, пышноспѣ царей, предѣ
»мыслію о Богѣ?

»Пуспѣ другой управляепѣ конемъ, наля-
»цаепѣ лукъ, сппрежепѣ груди злаша; пуспѣ
»другой красуепѣя кудрями, падающими по пле-
»чамъ; пуспѣ другой славипѣя красопою сво-
»ей среди дѣвъ и юношей! Мнѣ же, о! дайше
»мнѣ совершипѣ въ мірѣ поприще жизни, без-
»вѣспной другимъ и вѣдомой одному Богу! Да
»пріидепѣ ко мнѣ мудроспѣ, надежиѣйшая со-
»пушница юноспи и спароспи, царица боганп-
»спва! Мудроспѣ съ веселіемъ переносипѣ убо-
»жеспво, шолько бы не имѣсп мнѣ нужды въ
»хижинѣ моего сосѣда, шолько бы жишейскія

»заботы не обременяли, меня пѣгоспною не-
»обходимоію.«

»Внимай пѣнію кузнечика, пѣющаго упрен-
»ною росу. Смотри, струны моей лиры са-
»ми собою издали звуки; сладоспная гармонія
»окружаетъ меня. Кпо долженъ породить
»во мнѣ божественные глаголы? Толпѣ, копо-
»рый есть самъ себѣ начало, хранитель,
»опецъ сущеспвъ. На висопахъ пренебесныхъ
»увѣнчанный безсмертною славою, Богъ пре-
»бываетъ непоколебимо. Единица единицъ,
»первобытная монада, Онъ поражаетъ пер-
»выя начала. Опселѣ пронзникая въ самобыт-
»номъ первообразіи, единица, паниспвенно раз-
»ливающаяся, облекается въ троичное могу-
»щеспво. Превыспренній источникъ вѣнчаеш-
»ся красосою чадъ, изъ него произшедшихъ и
»окружающихъ центръ Божеспва.«

»Оспановись, дерзновенная лира, оспано-
»вись! Не открывай народамъ сихъ свяпѣйшихъ
»паниспвъ, воспѣвай земное и перейди мол-
»чаніемъ чуда мира небеснаго. Но душа заня-
»па только одними умспвенными мірами; ибо
»опшуда низшло чистое дуновение челоувѣ-
»ческой мысли. Душа, вверженная въ мапше-
»рію, сія душа безсмерпная, есть часть Бо-
»жеспвеннаго своего Творца, часть конеч-
»но весьма малая. Но духъ Божій единый,
»неизсякаемый, повсюду всецѣлый движетъ

»неизмѣримою глубиною небесъ и, сохраняя
»вселенную, является въ тысячѣ различ-
»ныхъ образовъ. Одна часть его одушевляетъ
»печеніе небесныхъ планетъ, другая
»хоры Ангеловъ, а сія, связанная паяжками
»узлами, получила земную форму и, погру-
»женная въ мрачной Лептъ, удивляется пе-
»чальной сей юдоли, поклоняется Богу, пре-
»клонившемуся къ землѣ.

»Но въ сихъ помраченныхъ взорахъ все-
»гда ослѣпаетъ еще нѣкопорый свѣтъ, въ
»пѣхъ, кои низвержены на землю, ослѣпаетъ
»еще слава, воззывающая ихъ къ небу, въ то
»время, когда они, избѣгнувъ житейскихъ
»волнъ, вступаютъ на свѣплый путь, веду-
»щій къ обителѣмъ Ошца Небеснаго.

»Блаженъ, кто не внемлетъ площаднымъ
»крикамъ маперіи, бѣжитъ земли и быспрымъ
»полешомъ паритъ къ Богу. Блаженъ, кто,
»свободный отъ трудовъ и заботъ житей-
»скихъ, спремится на пути души и зритъ
»наконецъ глубины Божественной премудро-
»сти! Великій для души подвигъ вознеспись
»на крыльяхъ небесныхъ желаній! Укрѣпляйся-
»же душа, въ подвигъ семъ, пламенемъ вѣры,
»возносящимъ тебя къ умисленнымъ суще-
»ствамъ! Отецъ небесный приблизится къ
»тебѣ и простретъ десницу свою. Лучъ,

»предпеча свѣща, возблеспишъ на пути шво-
 »емъ и ошкроешъ шебъ идеальный горизонтъ,
 »испочникъ красоты. Мужайся, о душа моя,
 »уполи жажду швою у превышнихъ испоч-
 »никовъ, возносись молишвою къ Творцу и не
 »медли оспавишъ землю. Скоро въ сліяніи съ
 »Опцемъ небеснымъ шы будешъ богомъ въ
 »Богъ! «

Синезій въ другихъ своихъ гимнахъ часпо повпоряешъ тѣже самыя мысли. Сія поэзія размышленія болѣе величественна, чѣмъ разнообразна. Впрочемъ въ стихахъ Синезія можно замѣтитъ успѣхи его вѣрованія. Мечтательность его нечувствительно уступаешъ мѣсто вѣрѣ болѣе положительной; и воображеніе поэта наконецъ сливается съ символомъ вѣрнѣшаго.

Не смопря на особенную склонность къ созерцательности, Синезій ревностно вступилъ въ обязанности своего священительскаго сана, въ коемъ народъ и упѣсняемые находили шогда вѣрную для себя зашипу. Онъ имѣлъ мужественную любовь къ ближнему, копорая была оппечашкомъ первыхъ временъ христіанства. Андроникъ, правитель Киринейскій, былъ Верресомъ сей страны. Онъ первый началъ употреблять въ ней казни и пышки, до шого неизвѣшныя въ сей Греческой колоніи.

Когда всѣ просьбы и убѣжденія Синезія оставались тщетными, Свяпипель поразилъ его нѣкоторымъ родомъ ошлученія, коимъ воспрепилъ Андронику входъ въ Пполемандскій храмъ и заклиналъ всѣ Воспочныя Церкви послѣдовать въ помѣ его примѣру.

Должно однако замѣтить, что Свяпипель Пполемаиды никогда не мнилъ присоединять къ Епископскимъ достоинствомъ власпи полипической. Сии власпи казались ему совершенно одна другой чуждыми. »Въ древнія времена«—говорилъ Синезіѣ—»одни и тѣже люди были и священниками и судьями. Египтяне и Иудеи долго правимы были жрецами. Но поелику дѣло Божіе ошправлялось совершенно почеловѣчески, Богъ раздѣлилъ сии двѣ власпи: одна ошлась религіозною, другая полипическою.

»Для чего покушаетесь вы соединить разлученное Богомъ, внося въ дѣла неуспроисво вмѣсто порядка? Ничто не можете быти гибельнѣе. Вамъ нужно покровишельство, идите къ хранишелью законовъ; вамъ нужно духовное пособіе, идите къ Священнику града. Созерцаніе естъ единсшвенная обязанность священника, который неложно носитъ свое званіе.«

Но, вступаая за успѣнныхъ, ошлучая ошъ пашвы Римскаго Префекта, беззаконно

предаващаго знаменистѣйшихъ гражданъ Кири-
нанки, Синезій, Христіанинъ и Грекъ, безъ
сомнѣнія думалъ, что исполняетъ свой долгъ
и подвизается въ одно время и за вѣру и за
опичизну. Черезъ нѣсколько времени Префектъ
сей впалъ въ немилость. Синезій, котораго
умолялъ онъ о покровительствѣ, защитилъ
его опъ ярости народа. Несчастливая Кириней-
ская обласъ едва только начинала опдыхать
опъ жестокоспи Андроника, какъ подверг-
лась опуспошеніямъ варваровъ, опъ коихъ сла-
бая Воспочная Имперія была не въ силахъ
защищать ее. Сія племена, въ коихъ самыя
жены были вооружены, испребляли все на пу-
пи своемъ, оставляя жизнь однимъ только
дѣтямъ, чшобы, воскормивъ ихъ, послѣ по-
спавишь въ свои ряды. Памятники искусствъ
древнихъ и новой вѣры, послѣдніе оспатки
величія сей нѣкогда цвѣтущей колоніи, горо-
да, храмы, церкви, все исчезло. Ничто не мо-
жетъ быть выразишельнѣе скорби Греческаго
Епископа, копорый былъ свидѣтелемъ, какъ
въ очахъ его унищожалась въ одно и поже
время и древняя и новѣйшая гражданская об-
разованность, споль спраспно имъ любимая.

Въ гореспи своей Синезій съ воспоминаніа-
ми Христіанства смѣшиваетъ воспоминанія
язычества. Сія просподушная опкровенность
еслъ для насъ любопытное выраженіе тѣхъ

время. »О Киренаика!«—восклицаетъ онъ—»ты, коей письменные памятники возводятъ племя мое до рода Ираклидовъ; древнія гробницы Дорійцевъ, въ коихъ я не буду имѣть мѣста; злополучная Пполемаида, коей буду послѣднимъ паспыремъ! Не могу вѣщать болѣе. Вопль и стенаніе прерываетъ мой голосъ. Всего болѣе спрашусь оставитъ алтарь Господень. Надобно садиться на корабль и бѣжать; но когда призовутъ меня къ опплытію, я буду умолять, чтобы еще помедлили: тогда пойду въ домъ Господень, обойду алтарь, орошу слезами помостъ церковный, удалюсь не прежде, какъ облобызаю святыи престоли и самый прагъ его. О коликокрапно призову я имя Божіе! Коликокрапно возьмусь руками за ограду святилища! Но необходимость всемогуща, неумолима. Доколь еще споятъ мнѣ на укрѣпленіяхъ града и защищаютъ оныя? Меня изнурили бдѣнія, забота разспавляетъ ночныхъ спражей, охраняетъ тѣхъ, кои меня охраняютъ. Прежде такъ часто проводилъ я ночи безъ сна, бодрственно наблюдая печеніе звѣздъ. Но теперь изнемогаю отъ ночей, употребляемыхъ на защищеніе отъ непріятельскихъ набѣговъ. Всѣ мы едва на нѣсколько минуемъ предаемъ сну; мое же опдохновеніе возмущается кликами спражей. Когда я смыкаю глаза, то, о! какія мучитель-

ныя сны слѣдуютъ за мыслями дневными. То мы въ бѣгшѣ, по въ плѣну, по въ рабахъ, по заключены въ оковахъ, проданы врагамъ.

»Нѣтъ! я останусь въ храмѣ, на моемъ мѣстѣ, поспавлю предъ собой священные сосуды, обниму столбы свящилища, поддерживающіе св. шрапезу, останусь здѣсь, пока живъ. Паду мершвый! Я служилъ алшаря Господня, и можеть быть, долженъ принести ему жертву дней моихъ. Богъ преклонитъ очи свои на алшарь, обогренный кровію свящилеца.»

Великодушное самоопроверженіе Епископа ободрило жишелей. Осажденная Пшолемаида опрашила варваровъ. Они успремились на другую часпъ сей обласпи. Во мракѣ, покрывающемъ испорію сихъ несчастныхъ временъ, не возможно найпи дальнѣйшихъ подробностей о жизни Синезія; даже неизвѣстно время его кончины. Сей великій мужъ исчезъ посреди развалинъ своей ошчизны. Все погибало въ Имперіи и погибало забвеннымъ. Ночь варварспва нисходила на воспокъ геніальный и великопный.

V.

ДРЕВНИЕ И НЫНѢШНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ АМЕРИКИ.

(ВАЛЬВИ).

Новый Свѣтъ, подобно Древнему, представлялъ въ себѣ много гнѣздъ пуземной самородной образованности: но опредѣлилъ ихъ количесство и означилъ предѣлы весьма зашруднипельно. Совершенное молчаніе исторіи, нерадивость дѣписателей опскрытія и завоеванія Америки, недоспапокъ крипики у древнихъ пушешественниковъ, кошорые изъ пренебреженія опускали въ своихъ описаніяхъ множесство обстоятельствъ, необходимыхъ для вѣрнаго сужденія о гражданскомъ бытѣ народовъ, все это дѣлаетъ сію задачу, ежели не совсѣмъ недоступною, шо по крайней мѣрѣ очень шрудною для рѣшенія. Глубокія знанія и проникательность Гумбольдта; ученія розысканія Вардена, Кюллока, Сея, Лорда Кингсборуга, Конспанціо и другихъ; новые факшы, собранные Дюпе, Хуарросомъ, Кабрерой, Беллокомъ, Лапур-Аллардомъ, Барадеромъ, Франкомъ и прочими: пролили много свѣта на сію важную часпъ исторіи челоѣческой, и шѣмъ ободрили насъ на приведеніе въ порядокъ самыхъ зна-

Телеск. Ч. IX.

14

чисельнѣйшихъ фактовъ, сюда относящихся, расположивъ главнѣйшія племена Нового Свѣта по гнѣздамъ просвѣщенія, кои кажутся, по всѣмъ основаніямъ, туземными, и обозначивъ вмѣстѣ то, чѣмъ онѣ обязаны вліянію Европейцевъ. Сей опытъ, при всемъ его несовершенствѣ, можетъ послужить чинашелоу средствомъ, сравнишь съ сей важной почки зрѣнія народы Американскіе съ народами другихъ частей свѣта.

Америка представляеть намъ три народа, замѣчательные по успѣхамъ общественнаго быта, найденнаго у нихъ во время Испанскаго завоеванія. Внимательное разсмотрѣніе политическихъ и религіозныхъ учреждений Мексиканцевъ, Перувійцевъ и Муисковъ, ихъ нравовъ, состоянія, до котораго доведены были у нихъ искусства, все сіе, представляя рѣзкое различіе между ихъ образованностью и просвѣщеніемъ древняго міра, особенно въ сравненіи съ Греками, Римлянами и нынѣшними обитателями Европы, даетъ однакожь замѣнить нѣкоторое сходство съ общественнымъ бытомъ древнихъ Египтянъ, Этрусковъ и Тибешянъ. Квецакоашль, Манко-Капакъ и Бочика, по увѣренію Гумбольдта, суть священныя имена трехъ великихъ первосвященителей и законодателей Анагуака, Куцко и Кондинамарка.

Старинныя преданія выспавляютъ ихъ людьми, пришедшими съ воспока, изъ спранъ неизвѣстныхъ, съ бородами и кожею менѣе смуглою, чѣмъ у туземцевъ, среди коихъ они появились.

Сіи необыкновенные пришельцы вдругъ измѣнили общественный бытъ Мексиканцевъ, Перувійцевъ и Муисковъ; они соединили скитающіеся по лѣсамъ племена; научили мужчинъ обрабатывать землю, женщинъ ткасть полотна; сообщили религіозную систему особаго рода и выучили искусству самымъ необходимымъ въ жизни общественной; замѣнили варварскіе обычаи гражданскими учрежденіями; итакъ что сіи при народа сдѣлались наконецъ могущественнѣйшими и образованнѣйшими въ Новомъ Свѣтѣ. Теокаллы или пирамиды Мексиканцевъ и другихъ народовъ Азтекскаго племени, ихъ бумага изъ магея (magney), гіероглифическія начертанія, веревочки съ узлами или квипы (quipos); храмы солнца и чепыре большіе праздника Перувійцевъ; ежегодныя путешествія на богомолье въ Ираку и ея окрестностей, прославленныя мнимыми чудесами Бсичики; неприкосновенность спранниковъ, равно священная на равнинѣ Богопа, какъ въ степяхъ Аравійскихъ и на берегахъ Гангеса; величественныя развалины Миплы; большія дороги,

*

прорѣзанныя среди Кордильеровъ, и мосты, дерзко наброшенные чрезъ попоки самыя широкіе и самыя быстрые; календари Мексиканцевъ, Перувійцевъ и Муисковъ; однимъ словомъ: всѣ сіи ошатки древнихъ обычаевъ и обломки древнихъ памятниковъ, найденные прежними и новыми путешественниками, ясно доказываютъ, до какой степени просвѣщенія достигли сіи при народа, прежде нежели подверглись Европейскому владычеству.

Амфитеатръ Копана, съ его пирамидами, барельефами и колоннами; подземный храмъ въ Тибулкѣ; обширный царскій дворецъ или алказаръ Ушаплана; укрѣпленные мѣста Текпангуашемалы и Микско; величественныя ошатки обширныхъ столицъ Ушаплана, Папинампа и Апишлана, равно какъ пвердыни Парракуина, Соколео и Успанплана, громко свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ гражданской образованности у Куичей, Качикуеловъ, Зушугиловъ и многихъ другихъ племенъ Гуашемалы. На той же чертѣ можно помѣстить и Чапанеконъ, Майевъ, Ицаэзонъ, Запотеконъ, обитателей Королевства Мечоакалы, республикъ Тласкалы, Чолулы, Гуэпхочинга, образованность коихъ напоминаетъ общественный бытъ Мексиканцевъ. Сюда же должно, кажется, причислить Сиболу и Куивиру, справы, не менѣ знаменитыя баснословными со-

кровищами, кои имъ приписывали, какъ и просвѣщеніемъ, найденнымъ у нихъ, въ XVI столѣтіи, Фрей - Маркосомъ - де - Низа и Францескомъ-де-Коронадо ; также Моковъ, столица коихъ, расположенная по берегамъ рѣки Яквезилы, вмѣщала въ себѣ многочисленное народонаселеніе, имѣла красивыя площади и зданія въ нѣсколько этажей. Къ нимъ же причислѣнъ всего, кажется, должно опнеспи и сѣверо-воспючные народы, опкрытые во впорой половинѣ XVIII вѣка, у которыхъ нашли, кромѣ употребленія одежды, двуэтажныя жилища, украшенныя изваяніями и деревянными спашуями, нѣкошораго рода храмы, памяшники въ честь умершихъ, большія карпины писанныя на деревѣ, флейшы или свирѣли обѣ одинадцати дудочкахъ и байдары очень искусно успроенныя.

Нашчесы и другія племена, къ сѣверу опъ экватора, равно какъ Арауканы, живущіе на западѣ, предспавляющъ особые оппѣнки гражданственности, кои по видимому образовались безъ всякаго соприкосновенія, въ дали опъ чуждаго вліянія Мексиканцевъ, Куичей, Муисковъ, Перувійцевъ и другихъ образованныхъ племенъ, кои мы поименовали. Арауканы, спѣль опличные опъ всѣхъ исчисленныхъ здѣсь народовъ, напоминающъ, по увѣренію знаменишаго уче-

наго, Г. Валькенаэръ, добродѣтели и нравы героическихъ временъ Греціи. Множество памятникѡвъ, разсѣянныхъ по обширному пространству Новаго Свѣта, на большихъ расстояніяхъ другъ отъ друга, въ селеніяхъ, еще ненаселенныхъ, либо занятыхъ племенами совершенно дикими или весьма мало подвинувшимися на поприщѣ образованности, указываютъ философу на существованіе другихъ земныхъ гнѣздъ просвѣщенія совершенно особаго рода.

Молчаніе исторіи открыло въ наше время обширное поле заключеніямъ и системамъ; многіе опличные ученые разсуждали о семъ предметѣ, но не могли еще предсказать удовольствіи пельныхъ результатовъ. То, что кажется можно признать доказаннымъ, есть существованіе многихъ народовъ Новаго Свѣта на различныхъ степеняхъ гражданственности, въ эпохи можетъ быть отдаленныя, а можетъ быть и современныя другъ другу, но все далеко предшествовавшія открытію Америки Колумбомъ. Это тѣ неизвѣстные народы, коими воздвигнуты сіи многочисленныя курганы, сіи четверугольныя крѣпости, сіи безчисленные окопы, открываемые во владѣніяхъ Американскаго Союза, начиная съ озера Онтаріо до Мексиканскаго Залива и между Ат-

легенами и цѣпью Миссури-Колумбiанскихъ Горъ (Rocky Mountains). По догадкамъ, почти всѣми признаннымъ, Аллегуйцы (Alleghewi) единогласно счищаются строителями сихъ зданiй; имъ также приписываютъ: вазу или идола съ шлемомъ головами, походящаго на Тримурши или Индiйскую Троицу; бюстъ, подобный Бурятскимъ бурканамъ, найденный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возлѣ Огiо; мумiи, вынутыя изъ пещеры Маммуеа; и разныя фигуры, изваянныя на утесахъ. Съ другой стороны символическiя изображенiя, которыми покрыты гранитныя утесы, вдоль по Нижнему-Оренку, по берегамъ Кассикулары и между источниковъ рѣкъ Эсекуебо и Рио-Бранко, въ мѣстахъ, кои давно уже заняты одними дикими ордами, ведущими скачущуюся жизнь и не имѣющими никакихъ способовъ производить подобныя работы, кажепся, также должны быть приписаны какой-нибудь неизвѣстной наци, существованiе коей съ давняго времени прекратилось. Нѣкоторыя изъ сихъ грубыхъ изваянiй, говоритъ Гумбольдтъ, связаны съ любопытными преданiями Таманаконъ, относительнo къ вѣрованiю въ Амаливаки, мифологическое лице дикихъ Американцевъ, живущихъ подъ экваторомъ, копорое спольже чуждо симъ народамъ, какъ Манко - Капакъ, Боуика и Кветцакоатль

были чужды Перувійцамъ, Муискамъ и Мексиканцамъ.

Народныя преданія, собранныя первыми путешественниками и приумноженныя недавно современнымъ ученымъ напуралистомъ, коему обязаны мы измѣреніемъ самыхъ величайшихъ горъ Америки, единогласно приписываютъ нѣкому неизвѣстному народу гиганскія зданія, воздвигнушыя въ окрестностяхъ Куцко и озера Типикака, гораздо прежде появленія Манко-Капака на сихъ возвышенныхъ равнинахъ. Здѣсь мы должны еще упомянуть о явленіи весьма любопытномъ и важномъ въ области антропологии, а именно, что черепа сего неизвѣстнаго народа, найденные Пеннландомъ въ гробницахъ — (изъ коихъ многіе украшаютъ огромную кранологическую коллекцію Барона Кювье)—оплечаются опъ череповъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ племенъ, необыкновенною сжатостью и удивительно выдавшимися челюстями. Но ни одинъ изъ сихъ оспашковъ древней образованности, не только въ испаніи, но и во всѣхъ преданіяхъ Новаго Свѣта, не занималъ столько для философа, какъ развалины обширныхъ городовъ Кулгакана (Паленке) и Тулги, открытыя около половины оснадцатаго столѣтія въ пустыняхъ Чіапы и позже срисованныя Полковникомъ Дюпе; ихъ справедливо считаютъ самыми великолѣп-

нѣйшими во всей Америкѣ. Найденныя въ нихъ изваянія, замѣчательныя и по предметамъ, ими изображаемымъ, любопытны еще по особенной конспрукціи, замѣчаемой въ головахъ представляемыхъ ими фигуръ; безъ сомнѣнія поколѣніе, которое обитало въ сихъ странахъ и воздвигло сіи зданія, было особенное, совершенно отличное отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ. Сіи храмы, гробницы, водопроводы, пирамиды, барельефы, украшенные фигурными начертаніями, и колоссальные размѣры строеній, дающіе право назвать древній городъ Кулгаканъ *Американскими Оивами*.

Внимательное разсмотрѣніе общественнаго быта, въ коемъ найдены народы, нами поименованные, и сравненіе ихъ памятниковъ съ памятниками Азіи и Африки, не только нѣкогда должно будетъ открыть обширное поле догадкамъ о ихъ происхожденіи, но, кажется, и теперь намекаетъ философу о довольно вѣроятныхъ сношеніяхъ между различными частями обоихъ материковъ, во времена, кои опредѣлишь нѣтъ еще никакого способа. Если справедливо, какъ утверждаютъ нѣкоторые остроумные наблюдатели, что пирамидальные храмы Мексиканцевъ и другихъ народовъ Средней Америки, ихъ полипическія и религіозныя системы, равно какъ

Перувійцевъ и Мунсковъ, ихъ аспрономическіе календари и аспрологическіе альманахи споль сложные, необыкновенное развитіе феодальной системы и раздѣленіе народонаселенія по кастамъ, мужскіе и женскіе монастыри, религіозныя общины, подчиненныя болѣе или менѣе строгой дисциплинѣ, наконецъ ихъ преданія и квивы,носящъ на себѣ оппечатюкъ древнихъ сношеній съ различными спранами Азіи; по съ другой спороны огромныя спроенія и великое множеспво колоссальныхъ произведеній скульптуры, украшенныхъ легендами изъ фигурныхъ знаковъ, кои найдены въ Гуашемалѣ и Юкапанѣ, могушъ довести насъ до заключенія о сношеніяхъ Новаго Свѣта съ обитателями древняго Египта; между шѣмъ какъ муміи, находямыя во многихъ частяхъ Америки, кажеспся, убѣждающъ опнеспи ныя изъ нихъ къ Оспровамъ Сандвичевымъ, даже до Фиджи, на средину океана, по причинѣ пбаней, въ кошорыхъ онѣ завернупы, другія же къ Канарскому Архипелагу, къ предѣламъ Африки, по удивительному ихъ сходспву съ муміями Гуанчей, народа, совершенно испребившагося, но заключавашагося въ великомъ Апланшическомъ семейспвѣ, разсѣянномъ еще въ наши дни по всѣмъ возвышеннымъ долинамъ Апласа. Особенно памятники Паленке, не позволяющъ почти сомнѣвашся въ древнихъ сношеніяхъ

обоихъ полушарій, между Гуатемалою и Египтомъ. Покрайней мѣрѣ, таково послѣднее заключеніе надежнаго судьи, Г. Жомара, который описавъ съ напуры монументы, воздвигнутые Фараонами въ долинахъ Нила, изучалъ, по превосходнымъ рисункамъ коллекціи Г. Барадера, памятники Американскихъ Оивъ. Сей ученый изслѣдователь выражается на сей счетъ весьма положительно, опивъчая на вопросы, которые мы ему предлагали. »Изучивши тщательнѣе — говоритъ онъ — »спилъ Египетской скульптуры, то есть, ваянія и рѣзбы; разсмотрѣвъ также общую систему Египетскихъ картинъ, рѣзныхъ и писанныхъ красками, рамы, коими онѣ обсажены, употребленіе легендъ или письменныхъ знаковъ, располагаемыхъ вертикальными и горизонтальными колоннами, особенності позъ и профильныхъ положеній, выборъ принадлежностей и атрибутовъ, формы извѣстныхъ мебели и многія другія опличительныя свойства, которые я находилъ снова повторенными въ барельефахъ Паленке, я утверждаю, что сношенія между ними почти непрерываемы.»

Но не возможно заниматься образованными народами Америки, не упоминая объ Европейцахъ. Сіе поколѣніе, которое уже столько вѣковъ пребываетъ главою просвѣщенія, не имѣло еще ни на одну часъъ вселенной споль

сильнаго нравственнаго и политическаго вліянія, какъ на Новый Свѣтъ. Извѣстно распространіе Европейцевъ во всѣхъ концахъ Новаго Машерика, просширающееся и на другія, зависящія отъ него, земли. Языки, религіи, законы, правительсшва, обычаи, нравы, науки, искусствва, живошныя, распѣнія, все шуда ввезено ими; эпо, такъ сказать, новая Европа, кошорая, менѣе нежели въ при спо-лѣшія, возникла какъ бы волшебной силой по шу сторону Атлантическаго Океана, но съ безконечнымъ множествомъ оппѣнковъ, зависящихъ отъ физическаго образованія почвы, первобышнаго сосшоянія и коренныхъ привычекъ шуземцевъ. Въ спранахъ возвышенныхъ, на примѣръ, въ конфедераціи Мексики и Гуатемалы, въ республикахъ Колумбіи, Перу и Боливіи, одаренныхъ благорасшвореннымъ климашомъ, съ давняго времени, вѣра, учрежденія и обычаи просвѣщенной Европы, приви-вающія къ обычаямъ и нравамъ древней шуземной образованности. По безмѣрнымъ равнинамъ Соединенныхъ Шшатовъ, Ріо-де-ла-Плаша и Бразильской Имперіи, покрытымъ роскошною зеленью, кочуюшъ народы совершенно пасшущескіе. Колумбійскія льяны (llanos) наполнены такъ называемыми Замбами, въ коихъ кровь Американская пресѣкается съ кровью Негровъ: сіе также кочевое, но

исполненное наѣздническаго удальства племѣ, подобно Бедуинамъ, господствуесть въ сихъ знойныхъ пустыняхъ и своею необычайною дѣятельностію и смѣлостью спрашивъ мирныхъ жителей городовъ, горъ и лѣсовъ.

Сія юная Европа уже соперничествуесть въ промышленности и могуществѣ съ древнею, повсюду, гдѣ смяшенія, слѣдовавшія за ея освобожденіемъ опъ тяжелой опеки, не помѣшали ходу ея развитія. На всѣхъ пунктахъ, съ одной стороны, соединенныя усилія образованности и правительства, съ другой, коммерческія предпріятія и миссіонеры, выпѣсняютъ дикія орды въ лѣса, въ горы и вообще въ мѣста, наиболѣе опдаленныя опъ обитаемыхъ. Ихъ пограничныя селенія суть какъ бы аванпосты образованности, вдвигающейся безпрепятственно въ среду варварскихъ народовъ, кои мало по малу оканчиваютъ напоследокъ плѣмъ, что принимаютъ образъ жизни новыхъ своихъ сосѣдей, или исчезаютъ, какъ снѣгъ при появленіи солнца. Съ другой стороны, Европейское просвѣщеніе, какъ говоришь Гумбольдтъ, распространяется подобно распекающимъ лучамъ съ береговъ моря или съ высокихъ прибрежныхъ горъ къ центру Полуденной Америки. Замѣчаютъ также, что вліяніе Европейскаго самовластія слабѣесть по мѣрѣ удаленія опъ береговъ моря. Миссіи, недавно еще находившіяся

совершенно подъ владычествомъ монаховъ, населенныя шеперь одними мѣдноцѣпными шуземцами, соспавляютъ какбы широкій поясъ вокругъ спранъ съ давняго уже времени воздѣльваемыхъ. Сіи христіанскія селенія расположены шакимъ образомъ на рубежѣ саваннъ и лѣсовъ, между земледѣльческою и паспущескою жизнію колонисповъ и блуждающею жизнію звѣроловцевъ. Самые даже Африканцы, поносною корыстію опшоргнушы опъ роднаго края, для обрабошыванія Анпильскихъ острововъ и жаркихъ земель Америки, разшоргши цѣпи тягоспнѣйшей неволи и соединясь въ гражданское общеспво, соспавляютъ, съ нѣкошораго времени, въ срединѣ Колумбіи, могущеспвенную обласпъ, управляемую мудрыми законами и участвующую во всѣхъ выгодахъ Европейской образованноспи. Общеспвенное просвѣщеніе сдѣлало великіе успѣхи въ Гаиши; и сія республика Негровъ управляется несравненно лучше, спокойнѣе и счаспливѣе, чѣмъ Колумбія, Хили и Буэносъ-Айресь.

Но ничто въ Америкѣ не предспавляетъ наблюденію философа болѣе величеспвеннаго зрѣлища, какъ удивишельное благоденспвіе Англо-Американской Конфедераціи. Эшо явленіе безпримѣрное еще въ лѣпописяхъ народовъ. Сія могущеспвенная Конфедерація предспавляетъ въ се-

бѣ все, до чего можетъ достигнуть народъ, поддерживаемый мудрыми поспановленіями и горячею любовью къ отечеству. Она едва счѣтаетъ полвѣка политическаго своего существованія: и уже города, богатые и многолюдные, возвышаются на всѣхъ пунктахъ просѣпранныхъ ея береговъ; даже обширныя пусыны, внупри ея, покрываются цвѣтущими городами и многочисленными деревнями. Спаринныя лѣса замѣщены пеперь обработанными полями и доставляютъ пищу заводамъ, на копторыхъ кууютъ и обрабатываютъ металлы, добываемые изъ нѣдръ земли. Великолѣпныя зданія, роскошныя храмы, красивые дома, изящныя театры, превосходныя площади украшенныя величественными монументами, каналы и чугунныя дороги удивительнаго просяженія, несмѣтное множество магазиновъ и корабельныхъ верфей, масперскія всякаго рода, воздвигнушы на мѣстахъ бѣдныхъ шалашей прежнихъ ея обиташелей; и тысячи кораблей, нагруженныхъ всѣми мануфактурными издѣліями самыхъ промышленныхъ народовъ и всѣми естественными произведеніями земныхъ климатовъ, разсѣкаютъ волны морей, въ конхъ прежде носились однѣ безобразныя байдары дикарей.

Едва Фюлшонъ, безсмертная слава сей великой Конфедераціи, покоришь силу па-

ровъ мореплаванію, какъ немедленно Канадское море, таинственная Миссисиппи, безпредѣльная Миссури, съ ихъ несмѣтными припоками, покрылись пароходами, кои живящъ помящіяся колоніи, съ давняго времени поселенныя на ихъ берегахъ, плодящъ новыя и, составляя какбы непрерывную лѣспницу станомъ между Новымъ - Орлеаномъ и Канадою, превращающъ въ цвѣщущія обласпи сіи спраны, прежде совершенно пущынные. Здѣсь все перемѣнилось и мѣняется каждую минушу. Тамъ, гдѣ владычествовало варварство, цвѣшеть теперь гражданское образованіе; вмѣсто дикихъ звѣролововъ явились народы земледѣльцевъ; торговля замѣнила грабительство; жестокость и звѣрское самоуправство силы покорилось могуществу законовъ; и множество филантропическихъ заведеній облегчающъ человѣчество, въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно сполько-спрадало опъ варварства и суетвѣрія первобытныхъ жишелей.

Не лзя довольно надивисься быспрымъ успѣхамъ, коими каждой годъ ознаменовывается свое существованіе сія новая Европа, обогащенная всею ученостію и всею дѣятельностію древней и, кажешся, спремѣющаяся превзойти ее. Нѣтъ спраны на земномъ шарѣ, исключая развѣ нѣкопорыя обласпи Германской Конфедераци и Сѣверной Европы, гдѣбы

способы ученія были многочисленнѣе, какъ въ сей части Америки. Область Нью-Йоркская представляесть собой даже единственнѣйшій феноменъ въ лѣтописяхъ образованнаго міра: во владѣніяхъ ея счислается учениковъ болѣе, нежели дѣтей! Школы медицинскія, основанныя въ Филадельфіи, Нью-Йоркѣ, Бостонѣ и Балтиморѣ; академіи художествъ въ Филадельфіи, Нью-Йоркѣ и Бостонѣ; военное училище въ Весп—Пуанѣ, подражаніе Парижской Политехнической Школѣ; университеты въ главнѣйшихъ областяхъ; школы, болѣе или менѣе многочисленныя, во всѣхъ—довершающіе первоначальное образованіе многочисленнаго и послушнаго юношества, приобретаемое въ нижнихъ училищахъ. Философическое Американское Общество въ Филадельфіи, Общество Наукъ, Искусствъ и Древностей въ Бостонѣ, Философическое Общество въ Нью-Йоркѣ, Земледѣльческія Общества также въ Филадельфіи и Нью-Йоркѣ, Американскій Инспишупъ въ Вашингтонѣ, въ Албани, и многія другія заведенія, погожъ рода, соперничающіе своими учеными трудами, съ подобными заведеніями древней Европы; а музеумы, коллекціи естественной исторіи, библіотеки и апенеи, учреждающіеся во всѣхъ главныхъ городахъ конфедераціи, ручающіяся за успѣхи, коими науки и искусства будутъ обязаны симъ новымъ

чадамъ Европы. Всякой гражданинъ желаетъ научиться, желаетъ знать дѣйствія полипического шѣла, коего соспавляетъ часпъ; и болѣе осьми сошъ періодическихъ изданій—число, равняющееся почти прешп всѣхъ сочиненій сего рода, печашаемыхъ во всемъ просвѣщенномъ свѣтѣ—спремаясь къ доспигенію сей двойной цѣли и соспавляющъ главную вѣшпъ обширной книжной торговли, цѣнность коей почти равняется цѣнности подобной торговли во всей полуденной Европѣ.

Наконецъ, менѣе нежели въ полвѣка, народонаселеніе Англо - Американской Конфедераціи увеличилось въ чешверо; количество областей и проспранспво земель удвоилось; она пріобрѣла полное право на благодарность географовъ замѣчательными опкрытіями, сдѣланными ея шрудолубивыми офицерами; соединила, многими безмѣрными каналами, Атлантическій Океанъ съ Канадскимъ Моремъ и главныя рѣки между собою; прочерпила свою поверхность во многихъ направленіяхъ длинными чугунными дорогами; основалась на берегахъ Великаго Океана; создала грозную морскую силу, кошорая заспавляетъ уважанъ флагъ свой на всѣхъ моряхъ и уже покарала Варварійскія Владѣнія, осмѣлившіяся оскорбить его. Безъ колоній, она дала шакое ходъ своей шорговлѣ и морской силѣ, чшо ея мегоціанты сдѣлались

маклерами всего Древняго и Новаго Свѣта; рыбаки ея проникли въ Ледовитыя Моря обоихъ полушарій; а купеческое мореходство, успу- пающее только Англійскому, превосходитъ всѣ прочія снраны земнаго шара. Никогда такія чудеса не производились въ такое короткое время, даже самыми могущественнѣйшими державами, въ нѣсколько славныхъ царствованій.

Исторія челоѡка представляетъ на семъ полушаріи нѣкопорыя прошивуположности, довольно рѣзкія, кои даютъ ей особенный характеръ и заслуживаютъ бытъ означенными. Мы находимъ, на примѣръ, говоритъ Гумбольдтъ, употребленіе бумаги изъ пишы или магея а) весьма обыкновеннымъ у народовъ Азшескаго и Тольпескаго племени, со временъ самыхъ опдаленныхъ; тогда какъ Греки и Римляне, даже въ самую блестящую эпоху ихъ славы, очень затруднялись въ добываніи себѣ папируса. Тольпекки, коихъ сей знаменитый путешественникъ называетъ Пелазгами Новаго-Свѣта, Чичимеки, Нагуаплаки, Аколгуесы, Тласкалпекки и Азшекки, дѣлали различныя переселенія съ сѣвера Новаго-Свѣта на югъ, почти въ одно время съ переселеніями, происходившими на

а) Американскія расшенія.

западъ Древняго Свѣта; но по какому-то странному сличенію обстоятельствъ, вмѣсто того, чѣмъ приносишь съ собой, какъ сіи послѣдніе, гибель и опустошеніе, вмѣсто того, чѣмъ бы задумашъ душевное просвѣщеніе, Американскія переселенія ознаменовали путь свой образованностью, искусствами и гражданскими учрежденіями, коихъ неизгладимые слѣды остались еще между племенами, обитающими на сѣверо-западныхъ берегахъ. Другое явленіе неменѣе любопытное есть то, что, когда, въ Европѣ, Данія, Швеція и Россія, были еще погружены въ глубокое невѣжество, народы Анагуака сдѣлали уже довольно значительные успѣхи въ образованности и играли весьма блистательную роль между народами Новаго Свѣта. Но не смотря на гіероглифическія начертанія, распространенныя отъ одного конца Америки до другаго, ни одна нація, даже Мексиканская, въ коей искусство гіероглифическихъ изображеній было наиболѣе усовершенствовано и копорая обладала даже нѣкоторыми началами фонетическихъ знаковъ для изображенія собственныхъ именъ, не достигла до изобрѣшенія полной собственной азбуки, ни даже письменной системы, подобной Китайской, тогда какъ въ другихъ частяхъ свѣта мы видимъ сколько алфавитовъ, изобрѣженныхъ въ различныя эпохи

съ такими разнообразными формами и по такимъ различнымъ сиспемамъ. Любопытно также замѣтить, что обработываніе хлѣбныхъ распеній, паспущеская жизнь и употребленіе молока, шеряется во мглѣ временъ въ Древнемъ Свѣтѣ; тогда какъ жилили Америкы, до прибытія Европейцевъ, не сѣяли ничего, кромѣ манса или ячменя, не имѣли спады, не употребляли въ пищу молочнаго, хотя паспвы, сполькожъ пучныя, сколько обширныя, и двѣ породы пуземныхъ быковъ въ Сѣверной Америкѣ, моглибъ изъ дикихъ звѣролововъ сдѣлашь мирныхъ паспуховъ и употребленіемъ молока замѣнить пищу, съ трудомъ добываемую, въ споль маломъ количеспвѣ, цѣною споль великихъ опасноспей.

Удивительное распложеніе Европейскихъ лошадей и коровъ въ Новомъ Свѣтѣ произвело наспоящую революцію въ образѣ жизни многихъ Американскихъ націй. Гуайкурусы, Чунчи, Левучи, Гуилличы и Пегуэнчи на югѣ, Іешаны, Апачи, Куманчи и Танкарды на сѣверѣ, благодаря лошадямъ, коихъ они умѣли объѣздить и развеспи многочисленныя шабуны, сдѣлались наспоящими Тапарами. Съ помощію сихъ живошпныхъ, они часпо пускающся въ дальніе набѣги и повсюду распроспраняющъ грабительспво и опуспшошеніе. Абипоны, Минуаны и Чарруасы, въ прежде бывшемъ Вице-

Королевствѣ Буэносъ-Айресѣ, и между племенами Колумбійскими, Уплачупы, Чопуничи, Чочоны и Сокульки, также Эчелупы, Энечуры и Чилмукишпекау, весьма богаты сими полезными живошными, коихъ они обыкновенно употребляютъ въ своихъ набѣгахъ и войнахъ. Испанскіе Пеоны, въ Конфедераціи Ріо-де-ла-Плата, и Португальскіе Серпанехосы, въ Бразильскихъ Провинціяхъ Сан-Педро, Сан-Поло, Пернамбуко и Ріо-Гранде-до-Норте, исключительно занимаются разведеніемъ быковъ, имѣютъ многочисленнѣйшія въ свѣтѣ стада и пріобрѣли въ семъ родѣ жизни буйныя привычки кочующихъ народовъ Азіи; ибо вообще нравы паспущескіе невинны и крошки шолько въ идилліяхъ; въ самомъ же дѣлѣ, свирѣпы и дики; что объясняется уединенною жизнію, копорую должны необходимо вести паспущи. Будучи безпрестанно заняты верховой ѣздой, мепаньемъ аркановъ и собираніемъ скоша, сіи дикіе, но гостепріимные люди, пріобрѣли навыки, неизвѣстные образованнымъ націямъ, оцѣ коихъ произошли, и погрязли въ глубочайшемъ невѣжествѣ. Должно однакожь замѣтить, что между ними, паспущи Воспочной-Банды, копорые живутъ, удаленные отъ женщинъ, среди безпредѣльныхъ пущины, суть самые звѣроподобные и порочные, тогда какъ паспущи Тукумана, кои жи-

вупъ, соединясь въ небольшія селенія, предспавляли, прежде войнъ, опустошившихъ сіи обширныя равнины, невинность, приписываемую Аркадіи; даже юныя чешы, по увѣренію одного знаменипаго географа, импровизировали, подъ звуки гишары, попеременно, напѣвы, подобныя шѣмъ, кои Ѳеокрипъ и Виргилій сполько прославили.

Означивъ индѣ замѣчательнѣйшія спранности, коими отличаются дикіе или варварскіе народы Америки, оспановимся здѣсь на минути, взглянувъ на шолпу народовъ, кои различаясь нарѣчіями, нравами, обычаями и религіозными вѣрованіями, но почти всѣ кочующіе и воинспвенные, живутъ въ спранѣ Миссури-Колумбійской, занимающей проспранныя пустыни средней часпи Сѣверной Америки, кои заключаются между Миссисипи и Великимъ Океаномъ. Похожіе во многихъ опношеніяхъ на большія кочующія націи Средней Азіи, сіи народы существенно различаются опъ нихъ ограниченнымъ своимъ количеспвомъ, паспущескою жизнію, копорая имъ совершенно неизвѣспна, и гражданскимъ образованіемъ, въ коемъ успѣли несравненно менѣ. Тщеспно обширныя равнины Миссури и ея огромныхъ припшюковъ, пышный бассейнъ Орегона или Колумбіа, ежегодно украшаются роскошными паспвами, множеспвомъ полезныхъ распений и безчи-

сленными спадками быковъ, барановъ и лошадей: ихъ несмысленные обипапели живутъ въ совершенной нищепѣ, посреди сокровищъ, копорыми природа такъ щедро ихъ надѣлила, не помышляя извлекать изъ нихъ для себя какую нибудь пользу. Подверженные въ одно и тоже время всѣмъ бѣдствіямъ голода и безпрерывной войны, копорую ведутъ между собою, сіи одичалыя племена присоединяють къ своимъ спраданіямъ грубое суевѣріе и обычан, сколько безумные, сполько варварскіе. Охоша у всѣхъ вообще, рыбный промыселъ въ нижней часпи бассейна Орегонскаго, или Колумбін, и произведенія землепашества очень еще несовершеннаго, между племенами, кои занимающія звѣроловствомъ въ бассейнѣ Миссури, соспавляютъ, за исключеніемъ самаго малаго количесства людей, ненадежное пропипаніе всѣхъ сихъ народовъ.

Хопя сосѣдство и торговля Европейцевъ по видимому послужили сполько къ присовокупленію губипельныхъ болѣзней и пьянсства къ спѣмъ порокамъ и спраданіямъ, коимъ они уже были подвержены, должно однакожъ признаваться, что нѣкопорыя изъ сихъ націй представляють въ себѣ начашки гражданскаго образованія, развившіеся у нихъ еспесивеннымъ образомъ и дающіе имъ превосходство предъ одичалыми народами другихъ спранъ Новаго Свѣ-

та. Филантропу пріятно видѣть сей, хотя медленный, но безпрестанно усиливающийся ходъ Европейской образованности и счастливые результаты; обнаружившіеся съ начала нынѣшняго сползнія, между нѣкоторыми народами сей группы. Но еще пріятнѣе угадывать приближеніе минуты, когда тѣсношамѣста заславивъ сіи кочующія орды опскажутся опытъ бродячей жизни и предадутся скопководству или земледѣлію со всѣми физическими и нравственными выгодами, опсюда происходящими.

Нигдѣ прежде людоедство не было такъ сильно, какъ въ Новомъ-Свѣтѣ, гдѣ оно, кажепся, существовало у всѣхъ почти націй Полуденной Америки. Тупинамбасы, Таябары, Кагепы, Пишигоары и Тапуасы въ Бразиліи; многочисленныя племена Перу, прежде появленія Манко - Капака на возвышенности Тиникакской; и Караибы, владычествовавшие въ Антильскомъ Архипелагѣ и вдоль береговъ между Амазонской Рѣкой и Заливомъ Маракейбо, сушь народы, коихъ исторія преимущественно опмичаетъ между людоедами сей части Новаго-Свѣта. Теперь людоедство господствуетъ еще у Бошекудовъ, Пурисовъ, Бугровъ, Мундруковъ и нѣкоторыхъ другихъ Бразильскихъ племенъ, между Дарикаванасами, Пучи-

ринависами, Манипибишаносами, Гуайпунаби-
сами, Гуагасами, Карапучосами, Гуахарибамы, въ
пакъ называемой прежде Южной Испанской
Америкѣ, и между нѣкошорыми Караибскими
племенами вдоль по Оrenoко. Тапуясы преж-
няго капишанства Порпо - Сегюро ѣдали да-
же, какъ утверждаютъ, плѣла плѣхъ, кои
между ними умирали, и учрежденіе споль
ужасныхъ пиршесствъ было поручаемо гадаше-
лямъ. Капанагуасы пожирали плѣла своихъ по-
койниковъ, подѣ предлогомъ почести. Мы на-
помнимъ при семъ случаѣ, что сіе жестокое
и недѣльное обыкновеніе, кошорое писатели
древности приписываютъ также Скивамъ и
Массагетамъ, неизвѣстно дикимъ народамъ,
населяющимъ бассейнъ Оrenoко. «Антропофа-
гія»—говоритъ Гумбольдтъ—«у сихъ народовъ
есть нечто иное, какъ слѣдствіе системы
мщенія; они ѣдятъ только непріятелей, взя-
тыхъ въ плѣнъ на сраженіи; примѣры, въ ко-
шорыхъ, по усонченной жестокости, Инді-
ецъ пожиралъ своихъ ближайшихъ родспвен-
никовъ, свою жену, невѣрную любовницу, уди-
вишельно рѣдки.» Хотя сшарцы пользуются
большимъ уваженіемъ между племенами, имѣ-
ющими осѣдлыя жилища, и даже между мно-
гими кочующими, увѣряютъ однакожь, что
у Сіуксовъ, Ассинибуэновъ и у народовъ, за-
нимающихся звѣрдовствомъ, около Мис-

сури, пакже между многими другими кочевыми племенами обѣихъ Америкъ, несчастные, кои не въ соспоянїи слѣдовахъ за своимъ племенемъ, безжалостно покидающа свои дѣшми среди лѣсовъ, гдѣ въ скоромъ времени умирающъ съ голода, или дѣлающа добычею дикихъ звѣрей.

Опъ одного конца Новаго Свѣша до другаго, у народовъ необразованныхъ, женщина, вмѣсто того, чпобъ раздѣляхъ съ мужемъ удовольствїя и сягоспи общественной жизни, обыкновенно бываетъ рабынею и, пакъ сказахъ, вьючнымъ живошнымъ. Самыя тяжелыя работы опправляюща женщинами: онѣ спрочахъ хижины, пригопвляющъ кожи для одежды и переносахъ домашнїе пожипки, когда племя перемѣняехъ мѣспопребыванїе. Только между нѣкопорыми народами великаго Колумбїйскаго семейспва, каковы Сокульки, Чочоны, Клапсопы и Чинноки, пакже между Гуайкурусовъ Бразильскихъ и у нѣкопорыхъ другихъ племенъ обѣихъ Америкъ, съ женщинами лучше обращающа и онѣ пользуются почпи равнымъ уваженїемъ съ мужчинами. Американцы обыкновенно имѣющъ по одной женѣ. Ушверждающъ, чпо нѣкопорыя націи съ ужасомъ говоряхъ о многоженспвѣ, какъ шо: Кокамасы, Моксосы, Чикипосы и Паносы. За шо у нѣкопорыхъ ордъ Аваноса и Майпурса, нѣсколько

брашневъ имѣюшъ одну общую жену, какъ у Цейлонцевъ и Тибешянъ. Многоженство существуетъ въ странахъ равноденственныхъ и гиперборейскихъ. Всѣ орды, разсѣяныя прежде по берегамъ Бразиліи подъ именемъ Тупи, были многоженцы, за исключеніемъ Тупинамбузовъ Пернамбукскихъ и нѣкошорыхъ другихъ, кои наказывали прелюбодѣйство смертію. Чочоны и другія племена Змѣинаго Полуострова также многоженцы; но у нихъ жены, принадлежащія одному мужчине, не всегда бываюшъ родныя сестры, какъ у Минешаріевъ и Мандановъ. Частные случаи многоженства бываюшъ у Килламуковъ, Клапсоповъ, Чинноковъ, Капшамасовъ и другихъ Колумбійскихъ народовъ, также у Чипюановъ, націи многочисленной и гиперборейской, живущей подлѣ Эскимосовъ.

(REVUE BRITANNIQUE).

VI.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— ИЗОБРАЖЕНІЕ ХАРАКТЕРА И СОДЕРЖАНІЯ ИСТОРИИ ТРЕХЪ ПОСЛѢДНИХЪ СТОЛѢТІЙ, *Ивана Шульгина*. С. П. Б. 1831.

Можно поздравить Русскихъ чипапелей, любипелей испорин, съ появленіемъ сей примъчапельной книжки; по одному языку, не говоря даже о прочихъ ея доспоинспвахъ, она должна занять непослѣднее мѣсто въ нашей липературѣ. Слогъ ровный, почный и сильный, вполне соопвыспвующій сему роду сочиненій! Происшесствія, наполняющія собою полипическую испорию прехъ послѣднихъ сполѣтій, обозрѣны здѣсь при всей крапкоспи ясно и опчечиспо. Уваженіе челоувѣческаго доспоинспва, любовь къ опчечиспву, ко всему Русскому, благородная опкровенность, видны на всякой спраницѣ. Чеспъ авпору!

Чпобъ познакомипъ съ содержаніемъ ея, мы выпиываемъ здѣсь оглавление, обнимающее совершенно всю книгу и сдѣланное очень искусно.

»Поняпіе объ испорин; ея объемы; причины ея раздѣленія и опличипельный характеръ разныхъ часпей ея. Опличипельный характеръ испорин новой; великія событія XIV и XV вѣковъ, придавшія новой испорини сей характеръ; слѣдспвія ихъ. Причины, почему великія событія XIV и XV вѣковъ могли имѣть дѣйсствіе на всѣ государспва Европы; объясненіе, чпо сходспво между государспвами Европейскими не исключаетъ великаго различія между ними. Поняпія

о системѣ государствъ; народное право, какъ основаніе сей системы; недоспапачность сего основанія; означеніе способовъ, при копорыхъ возможно сохраненіе безопасности государства отъ вредныхъ замысловъ сосѣдей. Разсмотрѣніе перваго способа (всемирной монархіи). Разсмотрѣніе второго способа (объ Европейскомъ конгрессѣ). Разсмотрѣніе третьяго способа; объясненіе, что система полипического равновѣсія есть возможно лучшее ручательство вышней безопасности и независимости государствъ. Опредѣленіе точнѣйшихъ предѣловъ новой исторіи; объясненіе, что великія перемѣны, ею изображаемыя, происпекали отъ одной общей причины. Спремленіе Франціи къ пріобрѣтенію перевѣса надъ прочими государствами. Перевѣсъ Австро-Испанскаго Дома при Карлѣ V. Перевѣсъ Испаніи и ея ослабленіе проппивоборспвіемъ Франціи, Англіи и Нидерландовъ. Авспрія спремилса къ преобладанію; ослабленіе ея проппивоборспвіемъ Франціи и Швеціи. Начало усиленія Франціи; перевѣсъ ея во всей Европѣ и ея изнеможеніе отъ проппивоборспвіа Нидерландовъ, Авспріи и Англіи; упвержденіе полипического равновѣсія въ западной Европѣ. Перемѣны въ системѣ государствъ Европейскаго съверовоспока; положеніе ихъ предѣ началомъ XVIII вѣка. Взглядъ на соспояніе Россіи іредѣ началомъ XVIII вѣка; опдѣльность ея отъ прочей Европы; судьба ея до половины XV вѣка. Соспояніе Россіи въ царсппованіе Іоанна Великаго, Василія Іоанновича и малолѣпнаго Іоанна IV до 1547 года. Соспояніе Россіи въ счастливый періодъ царсппованія Іоанна IV отъ 1547—1561. Соспояніе

Россіи въ оспальные годы царспіованія Іоанна Грознаго.»

Слѣдуя Герену и Ансильону, авторъ полагаешъ мысль о полипическомъ равновѣсіи во главу своей исторіи. Я имѣлъ случай изъяснить объ ономъ свое мнѣніе по поводу разныхъ обвиненій и опасеній, изъявленныхъ Европейскими журналистами, пропивъ Россіи, во время послѣднихъ войнъ нашихъ въ Персіи и Турціи а). Прочитавъ со вниманіемъ новое сочиненіе, я остаюсь при прежнихъ своихъ положеніяхъ. Въ подтвержденіе ихъ и въ возраженіе автору, не пускаясь ни въ какія опвлеченности, я предложу теперь здѣсь краткое обозрѣніе всѣхъ главныхъ войнъ и союзовъ, бывшихъ въ Европѣ, причинъ ихъ и окончаній. Пущъ авторъ докажешъ мнѣ несправедливостъ моихъ заключеній, докажешъ, что не егоизмъ и алчность къ пріобрѣшеніямъ, съ одной стороны, и не желаніе сохранить себя, съ другой, а опвлеченное, благородное понятіе о какомъ-то равновѣсіи, руководспіовали дѣйспвіями Европейскихъ полипиковъ!

Начнемъ съ Италіянскихъ войнъ, конми опкрывается новая исторія.

Карлъ VIII хотѣлъ покорить себѣ Неаполь. Италіяны не хотѣли имѣть чуждаго владыцеля въ Италіи и составили пропивъ него союзъ, заставившій его опспавить свое завоеваніе.

Людовикъ XII хотѣлъ покорить себѣ Миланъ. Папа и Венеція нашли для себя выгоднымъ помочь ему и помогли, хотпя передъ симъ воевали съ его опцемъ и способспіовали его изгнанію.

а) См. Моск. Вѣспн. 1829. Ч. III.

Онъ же хотѣлъ покорить себя Неаполь, и Фердинандъ Каполикъ за часть добычи принялъ на себя половину труда.

Юлію II захотѣлось вернутьъ себя владѣнія Цезаря Боргіи, кои доспались во власть Венеціанъ, и онъ соспавилъ союзъ изъ всѣхъ южныхъ государей проптивъ Республики. Хишрая Венеція опкупилаь и опговорилаь; и всѣ союзники оборопились проптивъ Людовика XII.

Наварра и южная Ипалія были цѣлью Фердинанда.

Въ войнахъ Франциска I и Карла V, единспвенною цѣлью перваго былъ Миланъ, а Карлъ хотѣлъ удержатъ его за собою, какъ и вообще первенство въ Ипаліи, и попомъ присоедиинить къ себѣ нѣкоторыя провинціи Франціи: Бургундію, Фландрію, Артуа. Генрихъ VIII, Король Англійской, не смотря на несоразмѣрную силу Карла, помогаль большею часпію не Франциску, а ему. И кпо мѣшаль Карлу V соединить подъ своей державою Испанію, Новой Свѣпъ, Имперію, южную Ипалію, Нидерланды, наслѣдственныя Авспрійскія обласпи? Какіе союзы препятспвовали ему въ припязаніяхъ на Свѣрную Ипалію, Францію и Германію? Никакіе. Тамъ сопротивлялась одна Франція, а путь одни Протесптанпы. Гдѣ же мысль о равновѣсіи?

Далѣе началась борьба у Филиппа II съ Нидерландами. Кпо вспуился? Никто. Самая Елизавета когда подала имъ помощь? Когда сама поссорилась съ Испаніей за колоніи и когда спорговалась выгодно съ погибавшей спраною.

Тридцатипятилетняя война была война религіозная. Реше-

лѣ дѣйствовалъ противъ Фердинанда II по личной ненависти Франціи къ Австріи съ Испаніанскихъ войнъ, желая покорить себѣ Эльзасъ и имѣя виды на самую Бельгію. Самъ Гуспавъ Адольфъ искалъ Помераніи.

Но какъ опдѣлался опъ временемъ Людовика XIV, которыя стипаюпся поржеспвомъ мысли о политическомъ равновѣсіи? Посмопримъ.

Людовикъ XIV хочеть покорить Белгію. Это опасность для Голландіи и Англіи, опасность не опвлеченная о нарушеніи равновѣсія, но дѣйспивительная, маперіальная. И вопъ они заключаюпъ союзъ, къ копорому присоединялется Швеція. Союзники заспае-
ляюпъ Лудовика XIV заключить миръ. Но чпже? Сей-
часъ послѣ онаго Король Французскій убѣждаетъ Карла II оспавить союзъ, и напрошивъ заключить пропшвположный съ Францією на погибель Голландіи. И Швеція приспаепъ къ нимъ же. Враги сдѣлались друзьями, и друзья врагами! Не говорю уже о мѣлкихъ владѣтеляхъ, приспавшихъ къ Людовику. Однако и Голландія нашла себѣ союзниковъ: въ Австріи, копорой прудно бы было удержатъ за собой свои Нидерланды при шакомъ сосѣдѣ, каковъ Людовикъ, и Имперіи (на всей), попому чпю Императоръ былъ изъ Австріискаго дома, и п. п. А какъ кончилась война? Слабѣйшіе союзники поплапились. Всѣ договоры заключены были опдѣльно.

Третья большая его война имѣла такая же причины: Людовикъ XIV обидѣлъ Папу, посягнувъ на Имперію припизаніемъ на Пфальцъ, учаспіемъ въ Кельнскомъ выборѣ; и уничпоженіемъ Нанпскаго эдикта поспавилъ прошивъ себя всю пропеспанпскую парпію (Голлан-

дію и Англію, коими управлялъ личный врагъ его Вильгельмъ Оранскій) въ Европѣ, которая увидѣла въ немъ, кажется, другаго Фердинанда II. Какъ ни жестока, какъ ни злобна была эта война, однако кончилась также сепаратными договорами, тогда какъ однимъ соперникамъ открылись виды на Испанскій престолъ, а другіе могли получить наспомятныя выгоды. Филиппъ IV умираетъ въ Испаніи. Вся государства бросаются на добычу, дѣлятъ ее, прежде нежели духъ вылетѣлъ у него изъ пѣла: одно беретъ себя Италіанскія владѣнія, другое Нидерландскія, прешіе колоніальныя, а избранному кандидату предоставляютъ одну оципанную Испанію. Умирающій Король оскорбился и предоставилъ все наследство внуку Людовика XIV. Австрія хочетъ себя всей Испаніи. Морскія державы претендуютъ на постороннія владѣнія, и въ этомъ смыслѣ безъ зазрѣнія совѣсти заключаютъ договоръ. Какими правилами руководствовались прочіе ихъ союзники? Португалія обещалась помогать за деньги, разпространеніе границъ въ Испаніи и колоніяхъ, и т. п. Начинается война—(Австрія хочетъ всего, а прочія часней, и все воюютъ за одно!!)—продолжительная, кровопролитная; но Марлбургу приходитъ въ немилость, Императоръ умираетъ, и вся полишка перемѣняется. Опять сепаратные договоры: Бурбоны вслухаютъ на Испанскій престолъ, Австрія получаетъ Нидерланды, Неаполь и проч. Англія — величайшія торговыя выгоды, Гибралтаръ; Савойя — Сицилію.

На сѣверъ дѣйствія еще дѣйствѣ. Желаніе соседей покорить Лифляндію, приписанія Польскихъ Королей

на Шведскій престолъ, Дашскихъ на Голштинію, замысль Карла Гуснава о сѣверной монархіи, мысль Пепра Великаго овладѣть берегами Балтійскаго моря — вопъ оцущипельные испочинки всѣхъ войнъ, союзовъ и договоровъ на этой споронъ.

До сего времени проспирается *Изображеніе*. Но послѣдующія произшеспія показывають почно почно же духъ Европейской полиппики. Напоминаю о замыслахъ Альберони, о Прагматической Санкціи, за признаніе копорой Карлъ VI заплапиль такъ дорого, и копорую, поппчасъ послѣ его смерши, оптвергли всѣ почпи Европейскія Государспва. А какова была слѣдующая война? Баварія, Саксонія, Испанія, искали, каждая для себя, всего Авспрійскаго наслѣдспва, а Франція помогала имъ вдругъ всѣмъ, и воевала съ Марією Терезією; между тѣмъ Фридрихъ Великій обрабощывалъ покойно свои дѣла и покорилъ себя Силезію. Или семилѣппею войною вздумають доказать систему равновѣсія, когда вся Европа успремилась на Фридриха II? Или Фридрихъ, заключая Тешенскій миръ, успроивая Княжеской союзъ, думалъ о общей независимоспи въ Европѣ? Нѣппъ, а только о сохраненіи Силезіи!

Вопъ главныя черпы: а что будетъ, если оборопипсь къ подробносппамъ! И такъ, совершенно несогласный на заключеніе авпора, что »испорія прехъ »послѣднихъ сполѣпій можетъ назваться испорією »системы равновѣсія Европейскихъ государспвъ, и всѣ »великіе переворопы въ жизни и судьбъ Европейскихъ »народовъ, а чрезъ нихъ и въ судьбъ другихъ часпей »свѣппа происпекали изъ спремленія Европейскихъ »государспвъ къ сохраненію полиппического равновѣ-

*

»сія«—я повторю здѣсь въ заключеніе сихъ полковъ сказанное мною прежде:

»Ясно, что не опвлеченная мысль о равновѣсіи, а государспвенный эгоизмъ, копорой съ просвѣщеніемъ уменьшается и обнаруживается подъ благовидѣйшими формами, былъ главною пружиною, средопочіемъ всѣхъ полипическихъ дѣйсвій въ государспвахъ Европейскихъ.«

— »Но ужели не можетъ быть испиннаго равновѣсія въ Европѣ?«

»Можетъ. Каждое государство имѣетъ свой вѣсъ; но эпотъ вѣсъ опредѣляется не произвольнымъ, догадочнымъ размежеваніемъ, не предписаніемъ державъ сколько войска, кораблей, имѣтъ сколько или сколько гаваней, мануфактуръ, не обладаніемъ пѣмъ или другимъ городомъ, но еспесивомъ всего народа, суммою его физическихъ и моральныхъ (пѣлесныхъ и душевныхъ) силъ, копорыя не попались еще ни въ минисперскія дедукціи, ни въ ученія положенія, для копорыхъ нѣтъ еще термометра.«

»Какъ имѣетъ каждое государство свой вѣсъ, такъ естъ между ими равновѣсіе; но уравниваетъ ихъ не Мешперникъ, не Веллингтонъ, но Топъ, Имже царіе царспвуютъ и сильніи пишутъ правду «

»На его коромыслъ приобръщеніе, копорому мы радуемся, означается, можетъ быть, минусомъ, а поперея плюсомъ. Наши дальніе попомки узнаютъ, что Европа спремилась къ равновѣсію и dospитала его часпо вопреки всѣмъ расчешамъ и предположеніямъ своихъ сыновъ, копорые только что колебали ее,

даже желая успокоивать! Разительное поучение, что людьми исполняешь какой-то высший закон!»

Предложимъ теперь нѣкоторыя замѣчанія на книгу, не столько относящіяся къ автору, сколько вообще къ историкамъ.

На стр. 1 сказано, что «человѣкъ назначенъ для жизни общественной.» — Не ужели распеніе назначено для весны, лѣта, осени и зимы? Жизнь общественная по моему мнѣнію есть только ступень, или хопя цѣлая лѣспница, но безъ крайнихъ ступеней, въ человѣческой жизни.

На стр. 2 авторъ не принимаетъ «дикихъ народовъ, народовъ въ гражданскихъ обществѣ, въ обласп исторіи.» — Нытъ. Какъ всякая пылинка занимаетъ свое мѣсто въ природѣ, такъ всякой человѣкъ, не только племя, принадлежитъ исторіи. Только несовершенство науки причиною, что мы не можемъ еще опредѣлять ихъ *удѣльной* значительности. Китай пропускаетъ исторіи (с. 2) — пресупленіе. Это одна изъ великихъ задачъ ея, можетъ быть, развитіе одного-какого либо важнѣйшаго элемента. Не думаю, чтобы Китайцы не нашли себѣ параллельныхъ народовъ, модификацій, въ другихъ частяхъ свѣта.

— «Если исторія есть изображеніе жизни и судьбы народовъ, соединенныхъ въ государствѣхъ, то соотвѣтственно сему понятію и за начало ея приниманъ должно не начало человеческого рода, а начало соединенія людей въ жизнь общественную (с. 3).» — Нытъ. Исторія есть изображеніе жизни и судьбы рода человеческого; а потому она вмѣстѣ съ нимъ начинается. Даже о собственно-политической исторіи этого ска-

зань, кажется, нельзя: почто пакъ младенецъ въ употребъ матерней принадлежить уже къ естественной исторіи челоѣка. Исторія перваго общества есть исторія семейства. Гдѣ же границы?

— «Но силы ума челоѣческаго, при ограниченности своей, недоспаютчны къ обозрѣнію звеньевъ сей великой цѣпи произшедшій однимъ взглядомъ» (с. 4). — Теперь, можетъ быть: но за чѣмъ унывать за будущее?

— «Слѣдствіемъ сего нововведенія» — (посполныхъ войскъ) — было то, что феодальная система пала (с. 16). — Развѣ только добила?

Въ § 19—25 авторъ осуждаетъ «всемирную монархію и союзъ Европейскихъ Амѣкціоновъ, какъ средства сохранить вѣчной миръ.» — Эти общія разсужденія сочинены въ Народномъ Правѣ по прошедшему времени, съ того или другаго частнаго явленія. Но что прежде быть не могло, то можетъ быть впредъ, и о будущемъ должны говорить историки осторожнѣе. Теперь нужна война, какъ говоритъ авторъ, для поддержанія дѣятельности, а въ золотомъ вѣкѣ найдутся другія побужденія. Я съ своей стороны увѣренъ, что даже скоро учредится въ Европѣ посполный общій конгрессъ; ибо почекъ соприкосновенія и отношеній между государствами пакъ уже много теперь, что скоро окажется совершенно неудобнымъ рѣшать непрерывные вопросы особливими посольствами. Осужденіе Генриха IV за его планъ принадлежить къ его біографіи, а не къ исторіи (с. 56).

— «Еслибъ Германія... сославляла одно государство,

судьба Европы не могла бы быть такою, какова она нынѣ (с. 65).« — Разумѣется: но за чѣмъ полковашь, что было бы съ человекомъ, еслибъ у него было не двѣ руки, а три, или одна. Испорики! не хвалите, не худите, а только уразумѣвайте.

— »Отъ того-то предметомъ полиптики Европейской въ печеніи послѣднихъ прехъ вѣковъ, и въ особенності со времени Веспфальскаго мира, было сохраненіе того положенія Германіи, какое дала ей исторія, въ увѣренності, что съ сохраненіемъ сего положенія связано сохраненіе существующаго порядка вещей въ Европѣ (с. 66).«—Нынѣ, а развѣ только отъ того, что не было случая (по другому высшему закону) нарушашь ея сословіе. Развѣ Фридрихъ не перемѣнилъ ея положенія, основавъ такое сильное новое государство?

— »Наибольшая часть невыгодъ полиптического равновѣсія происпекала отъ того, что сія система образовалась не по предназначенному и обдуманному плану, а развивалась по необходимости, и что развитіе ея получало нерѣдко ложное направленіе отъ вліянія личныхъ наклонностей, а нерѣдко спрасшей и причудъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣла государственнаго управленія (с. 68).«—Но развѣ можно сожалѣть, что гражданскія общества, (не только системы полиптического равновѣсія, еслибъ она и была), развивались по необходимости, а не по плану? Иначе не возможно.

— »Отъ сего«—(отъ сохраненія полиптического равновѣсія)—« происпекло доброе слѣдствіе, что незави-

симоспъ и права малыхъ и слабыхъ государствъ признаются споль же священными и неприкосновенными, какъ независимоспъ и права самыхъ большихъ и сильныхъ (с. 2). «Я не понимаю, въ какомъ смыслѣ авпоръ, равно какъ Геренъ и другіе знаменитые испорики, принимаютъ эту независимоспъ. Но взгляните на карту, милоспивые государи? Чпо вы скажете о Шопландіи, Ирландіи, Венгрии, Ипаліи, Богеміи, Моравіи, Норвегіи, Голштиніи, Кроации, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Босніи, и проч. и проч., копорыя всъ, можетъ бытъ, къ своему счастью, добровольно и недобровольно, по пому или другому праву, соединились съ другими государствами?»

— «Чему обязаны Аѳины въ опношеніи къ Спартѣ и цѣлой Греціи, Карѳагенъ въ опношеніи къ Риму, Англія и Франція въ опношеніи другъ къ другу пою великою славою, копорая соспавляетъ удѣлъ ихъ въ испоріи, какъ не этому соперничеству, копорое спремилло ихъ наперерывъ другъ передъ другомъ развивать свои силы (с. 72). «—Нѣтъ. Соперничество было одной толькo изъ содѣйспвующихъ причинъ, и притомъ въ извѣспный періодъ времени.

«И такъ Франція первая между государствами Европы обнаружила замыслы на приведеніе въ зависимоспъ опъ себя поспороннихъ земель (с. 78). «—А прежде замыслы Англіи на Францію, Императоровъ на Ипалію? Разница та, чпо замыслами Франціи завязался узелъ Европейской связи, а прежніе были толькo временные и безъ слѣдспвій сего рода.

— «Слѣдспвія Веспфальскаго мира для сиспемы равновѣсія были тѣ, чпо Авспрійской Домъ долженъ былъ опказаться, и навсегда, опъ своихъ видовъ на

преобладаніе въ Европѣ, что въ самой Германіи об-разовалась противъ него законная оппозиція (с. 104).— Навсегда! Пусть вспомнитъ авторъ слова Наполеона на Оспровѣ Св. Елены: «еслибъ я родился какимъ нибудь Нѣмецкимъ Принцемъ, то пошчасъ сдѣлался бѣ Нѣмецкимъ Императоромъ.»

Еще замѣтимъ: за что называеъ Годунова похити-телемъ (с. 132)? Онъ былъ избранъ торжественно на престолъ по престѣненіи династїи.

Іоаннъ III, какъ основатель нашего Государствен-наго величія, прославленъ по достоинству. Соглаша-юсь, что всѣ его дѣянія были благопворны для Россїи; нельзя однако согласиться, чтобы средства его были всегда кропки. Пусть авторъ вспомнитъ о Твери, о Новѣгородѣ.

Здѣсь я прекращу свои замѣчанія. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, справедливы, другія нѣтъ. По крайней мѣрѣ онѣ послужаеъ автору доказатель-ствомъ того вниманія, съ коимъ я разсматриваеъ его книгу, и того почтенія, которое я люблю отдаваеъ подобнымъ трудамъ.

Въ образчикъ слога, о которомъ я сказалъ свое мнѣніе прежде, помѣщается здѣсь слѣдующій опы-токъ о войнѣ:

— «Но казалось бы, что по крайней мѣрѣ вѣшняя безопасность тогда будетъ вполне достигнута, ко-гда всѣ государства сослaviaтъ одно, и что бичъ на-родовъ, война, которая не перестанетъ допоя, по-ка будутъ существовать другъ подлѣ друга незави-симыя государства, что война будетъ не возможна, и народы будутъ благоденствовать въ вѣчномъ мирѣ.

Дѣйствительно, сія мысль могла увлекать многихъ завоевателей; мы не вправѣ считатьъ ихъ всѣхъ только слѣпыми честолюбцами, и полагаемъ, что они вели войны для одного удовольствія проливать кровь или для насыщенія своего славолубія, а не поспавляли своимъ дѣйствіемъ какой нибудь благородной и возвышенной цѣли. Древніе завоеватели воспока, при погдашнемъ состояніи географическихъ познаній, могли еще сверхъ того быть обмануты и своими понятіями о землѣ, и считавъ возможнымъ осуществитъ мечту свою—завоевать цѣлый міръ. Въ самомъ дѣлѣ, какое благоденствіе воцарилось бы, по видимому, во вселенной, когда всѣ народы, живя въ вѣчномъ покоѣ, безмятежно наслаждались бы своею жизнью!«...

» Но жить значить дѣйствовать. Въ природѣ все живетъ, потому что все находится въ непрерывной дѣятельности, усиливающейся соразмѣрно съ препятствіями, ей противоположаемыми; остановка сей дѣятельности была бы всеобщая смерть. Такъ и въ родѣ человѣческомъ. Только препятствіями и нуждами возбуждается наша дѣятельность, только среди опасностей духъ человѣческій сознаетъ свою безсмертную силу и раскрываетъ въ себѣ свойства возвышенныя, которыя исчезли бы въ дремлетіи непрерывнаго покоя. Когда подвиги самоопроверженія, чудеса папріотизма и чаще и блистательнѣе свершаются, какъ не въ годину бѣдствій? Когда человѣкъ доврчивѣе, искреннѣе приснился къ человѣку, какъ не въ минушу опасностей войны? Нѣтъ! война не есть величайшее зло для народовъ: управа своего наці-

окального достоинства, ослабленіе доблестныхъ силъ
человѣческаго духа, праздноствіе, грубыя чувствительныя
наслажденія и развращеніе нравовъ, всего скорѣе про-
исходящее въ народѣ, легѣе покоемъ долговре-
меннымъ, соспавляеетъ гораздо большее зло. Какъ
день и ночь, зима и лѣто, сонъ и бодрствованіе:
также естественна подлѣ мира война; основаніе ея
лежитъ въ природѣ человѣка; она неизбежна, пока
образованіе человѣчества не сдѣлалось пѣтмъ, чѣмъ
оно, вѣроятно, никогда не будетъ (?)—общимъ и со-
вершеннымъ; она содѣйствуетъ успѣхамъ сего обра-
зованія, именно пѣтмъ, что способствуетъ развитію
и усовершенствованію силъ духа человѣческаго. По-
тому, и соглашаясь съ пѣтмъ, что война есть источ-
никъ великихъ бѣдъ для людей, подвергающихся ея
дѣйствіямъ, ее именно по этому и должно починать
орудіемъ, которое употребляетъ Провидѣніе для
искупленія народовъ бѣдствіями и для ихъ возрожденія.»

Ниспосылаемый имъ ангелъ разрушенія
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена,
И обновленные — пышите разцѣпками:
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ.

«Слѣдовательно добродушное желаніе «ланпро-
новъ, чѣмъ вовсе не было войны между народами,
сходно бы было съ желаніемъ, чѣмъ бури вовсе
испребили въ природѣ, а озера и болопа оспались.»

Замѣтимъ еще о двухъ галлицизмахъ, кажется, един-
ственныхъ въ книгѣ:

— (Франція) «была уже *слишкомъ* ослаблена, чтобъ
внушать собою основательной страхъ» (с. 116).

— «Уже онъ (Димитрій) чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы мѣряться съ Тапсарами,» (131).

На стр. 112 употреблено слово: *партикулярный*; въ другихъ мѣстахъ также попадаются нѣсколько иностранныхъ словъ, хотя и лучшихъ, безъ нужды.

Наконецъ надо бы упомянуть здѣсь объ одномъ грѣшномъ указаніи; но чтобы не сказать дурнаго слова!...

М. Погодинъ.

VII.

ПАРИЖСКИЙ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ МІРЪ.

(окончаніе)

Администрація Французской Комедіи есть такой хаосъ, который невозможно разобрать — лабиринтъ, изъ котораго нельзя выйти даже съ помощію Ариадниной нити. Начальниковъ нѣтъ. Если послушать ея членовъ, то у нихъ нѣтъ ни постановленій, ни законовъ, ни начальника, ни власти; но попробуйте съ ними имѣть дѣло, попросите ихъ и — пошчасъ со всѣхъ сторонъ родятся законы, постановленія, начальники, власти. Здѣсь ссылаются даже на указы Людовика XIII, какъ будто бы теперь, когда провинціи, сословія, города, вся Французская нація утратила старинныя свои преимущества, привилегіи Французской Комедіи одніе, остались неприкосновенными. По какимъ же харціямъ она управляется? Никто не знаетъ ихъ въ массѣ,

но каждый извлекаетъ изъ нихъ опкрывки, копорые всегда принаравливаюся къ обстоятельству и всегда ко вреду ното, копорый жалуется. Я сомнѣваюсь, чптобы самъ Трибоніанъ могъ выдти побѣдителемъ изъ этой пропасти; Пепръ ссылается на Павла, Иванъ на Якова. Въ иныхъ случаяхъ Королевскій комиссаръ есть великанъ и грозный полубогъ, въ другихъ карло, надъ копорыми смѣюся. Комишеть, управляющій псапромъ, иногда имѣетъ все могущество законныхъ присяжныхъ, а иногда жалуется, чпто связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ, точно какъ Королевскій Министръ бываетъ связанъ конспиріуціей всякой разъ, когда не находитъ выгоды въ ея нарушеніи.

Эпопъ комишеть, попеременно споль могущественный и споль маловажный, приводитъ въ опчаяніе драматическихъ писателей и дебюпанповъ, въ копорыхъ есть талантъ. Онъ ненавидитъ справедливость и всячески припѣсняетъ развивающіяся дарованія; основныя его постановленія суть капризы и мншрига—все, кромѣ безприсрасія. Его можно расположить въ свою пользу только посредствомъ низостей, недостоинныхъ честнаго человека; низкопоклонники, люди, ушрапившіе честь и спыдъ, пользующіяся его покровительствомъ; онъ любитъ унижать дарованія и превозносить глупость; умъ, литературная слава ему ненавистны. Унижаясь иредъ людьми, изъ коихъ сославленъ эпопъ комишеть, нравился женщнтъ, копорая имѣетъ въ немъ силу — воптъ средства успѣть и заславить часто играть свои произведенія на Французскомъ Театрѣ!

Я не буду изчислять всѣхъ обидъ, униженій, неприим-

носпей, коимъ подвергаются писатели въ этомъ вершенъ Французской Комедіи. Тѣ, кои не бывали въ Парижѣ, не могутъ понять меня. Чпобъ выносить ихъ, надобно имѣть необузданную спросъ къ извѣспности. Я самъ видѣлъ, какъ многіе почтенные литераторы плакали отъ бѣшенства, рассказывая, что они должны были вытерпѣть. Сначала выспно того, чпобъ утѣшая ихъ, я смѣлся надъ ними, думая, что все это выдумки. Я не могъ вообразить себя, чпобъ съ одной стороны дерзоспъ, а съ другой терпѣніе, могли такъ далеко простирапсья.

Ты, можепъ быпъ, подумаешъ, что каждый изъ членовъ комишета, взятый отдѣльно, таковъ же, какъ и въ массѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Они большею частью обходительны, даже почти вѣжливы; говорюпчии: ибо вообще они любятъ показывать надменную и холодную вѣжливоспъ. Они примупъ васъ хорошо, но съ явнымъ желаніемъ поскорѣ избавипсь отъ вашего посѣщенія; присущствіе ваше ппгопнипъ ихъ: ибо они бояпсь что нибудъ обшцапъ или сказати копя одно слово, копорымъ бы послѣ можно было воспользоваться. Впрочемъ они не щадяпъ ласковыхъ комплиментовъ, провожаютъ васъ до передней комнаты, до самой лѣспницы, жмутъ руку и называютъ васъ любезнымъ другомъ.

Боже избави псебя и меня, имѣпъ дѣло съ артистами Французской Комедіи, для драматическихъ видовъ! Лучше посвятивъ себя самой ппгоспной рабой, нежели предспавишъ имъ на разсмотрѣніе ка-

кое либо произведеніе. Но это еще ничего въ сравненіи съ тѣми непріятностями, которыя ожидаютъ сочинителя, когда начнутъ репетировать піэсу; тогда фурія шаршара или демоны ада — какъ угодно назови ихъ — являюся въ видѣ актеровъ и актрисъ для испязанія бѣднаго автора. Мы рассказывали на этопѣ счетѣ такіа спранности, которыя трудно себя вообразить. Припѣсненія и мученія споль продолжительны, споль разнообразны, что опѣ нихъ можно лишиться разсудка.

Поговоримъ теперъ объ актрисахъ, изъ которыхъ многія, не смотря на ихъ сварливостъ и злостъ, очень милы. Въ трагедіи главныя роли играетъ *вѣтная Дъв. Дюшенуа*, которая дебютировала, двадцати пяти лѣтъ опѣ роду, еще въ 1800 году. Она была тогда и до сихъ поръ оспается женщиной высокаго роста, спройной, одаренной пріятнымъ и звучнымъ голосомъ; въ игрѣ ея еспѣ порывы чувспвишельности, вырывающіеся изъ глубины сердца; но, въ печеніе приццати лѣтъ, играя одно и тоже амплау, она оспалась на одной и тойже почкѣ. Теперъ дарованія ея мало по малу исчезаюпѣ, а недоспатки увеличиваюпѣ. Иногда она медѣкаюпѣ еще въ ней искры паланпа и тогда она испоргаепѣ рукоплесканія. Она въ совершенствѣ играетъ роли: *Федры* и *Ариадны*; еспѣ такъ же у ней превосходныя минуты въ *Миріи Стюартѣ* и *Іоаннѣ д'Аркъѣ*. Она бѣ могла бытъ весьма полезна для Французской Комедіи. Но увѣренность въ превосходствѣ надъ соперницами, ипощеніе силъ, декламация спаринной школы, недависпѣ къ романпической игре-

дін, вредяпть ея дарованіямъ. Ей не возможно давати совѣтовъ: она не принимаетъ никакихъ замѣчаній.

За дѣвицею *Дюшенуа* слѣдуетъ *Гжа Парадоль*. Она уже слишкомъ хороша собой для прагматической актрисы. Никогда не было на сценѣ такой величественной царицы: въ *Семирамидѣ* она превосходна. Къ чести ея должно сказать, что она бережлива на слезы: игра ея естественна и непринуждена, голосъ звученъ, пѣлодвиженія хорошо обдуманы, хотя иногда нѣсколько грубы; она говоритъ прекрасно, когда примѣчаетъ за собою, но выражается съ излишнею запальчивостію, когда увлекается спремленіемъ спраспи. Трудно лучше ея выполнить роли: *Говеліи*, *Агриппины*, *Клеопатры*, *Эмили*, *Герміоны*. Красота ея чаруетъ, а талантъ увлекаетъ.

Прекрасный спантъ, лице холодное и суровое, но необыкновенно правильное; голосъ глухой и опрыгивистый, пѣлодвиженія грубыя и иногда неумѣстныя, искусство занимать сцену, не наполняя ея — вопль что можно сказать о *Гжѣ Вальмонсей*, которая имѣетъ несчастіе быть хорошей актрисой, но не нравиться публикѣ. У *Гжи Вальмонсей* — прекрасныя руки, прекрасныя волосы, благородная осанка и часто весьма удачныя порывы; но она не умѣетъ высказать души своей и, стараясь играть съ жаромъ, леденитъ зрителей.

Еще два слова о миловидной и умной *Дѣвицѣ Бурбье*, одно о *Гжѣ Тузе*, которая удачно играетъ наперсницъ... и можнобы было кончить о трагедіи... Но какъ не упомянуть о *Дѣвицѣ Брокерѣ*, *Гжѣ Менжо* и

особенно о *Дъвицѣ Бургоэнъ*? Сія послѣдняя была самая милостивая, самая рѣзвая, самая обольстительная женщина своего времени; и теперь она еще прекрасна, мила, жива и рѣзва; въ ея характерѣ отражается огонь, сверкающій въ ея глазахъ. Она такъ понравилась публикѣ, что ее находили превосходной актрисой. Никогда театральная принцесса не была столь обожаема и столь достойна обожанія: публика была у ногъ ея, какъ *Оросманъ* у ногъ *Заиры*. Умъ и грація были основаніями славы *Дъвицы Бургоэнъ*.

Можно ли бытъ спрогнмъ къ сальфидѣ *Брокеръ*? Можно ли, видя эпу прелестную голову, эпи прекрасные глаза, эпи обворожительныя уста, эпи блестящій и близкую, предположивъ въ ней ледяную душу? Голосъ ея такъ сладостенъ, взоръ такъ нѣженъ! Но здѣсь оканчиваются похвалы. Надобно прибавить только: прудись, спарайсь, неупоминимыми занятіями, приобрѣси истинный драматическій талантъ, соопвѣстившій дарамъ, коими надѣлила васъ природа!

Но даже самая природа была уже слишкомъ несправедлива къ *Гжѣ Менжо*: она вложила сильную и возвышенную душу въ слабое тѣло: надѣлила эпу женщину умомъ, шонкоспью, силой, и вмѣстѣ лишила ее физическихъ средствъ, необходимыхъ для развитія столь рѣдкихъ способностей. *Гжа Менжо* хороша во всѣхъ почпи своихъ роляхъ, особенно же превосходно играетъ роль *Пажы Херубина*: и до сихъ поръ въ душѣ моей опзывается ужасное, раздирающее душу восклицаніе, которое вырывается у ней, при дверяхъ смерпи, въ *Сидѣ Андалузійскомъ*.

Имя *Дювицци Леверъ* первое представляется при переходѣ отъ трагедіи къ комедіи. Не отъ того ли, что талантъ ея столько гибокъ, что она можетъ играть въ обоихъ родахъ? Она могла бы имѣть большіе успѣхи въ трагедіи, еслибы ранѣе посвящала себя оной. Доказательствомъ тому служатъ нѣсколько удачныхъ опытовъ. Она заслуживаетъ справедливыя рукоплесканія, какъ комическая актриса, и съ каждымъ днемъ усовершенствуетъ свое искусство: у ней много души, чего уже очень доспапочно; много ума, что не менѣе важно. Она согрѣваетъ сцену и между тѣмъ умѣетъ возбуждать смѣхъ; не прячетъ слезъ тамъ, гдѣ надобно плакать, ибо извлекаетъ ихъ изъ глубины сердца; однимъ словомъ: она чувствуетъ, что говоритъ. Скажу ли, что она очень хороша собой? Къ чему? Она прекрасная актриса, что несравненно выше. Къ сожалѣнію, она худѣетъ и это ее портитъ; *Дювицци Конта* была полнѣе и потому украшала сцену до послѣднихъ минутъ своей жизни.

Дювицци Дюпюи столько жъ ловка, сколько оспроумна; она играетъ большихъ кокешкѣ, но болѣе выисканно, чѣмъ испинно; часто она не достигаетъ цѣли отъ излишняго старанія достигнуть ее; непринужденность обращенія ея не всегда опъывается пономъ хорошаго общества; не смотря на то, она прекрасная актриса и нравится публикѣ своимъ особенно милымъ жеманствомъ и тѣкостью, съ коей говоритъ оспропы.

Гжа Гервей хорошая актриса; она занимаетъ ампуа молодыхъ маперей; въ ней видны зрѣлоспъ

таланта, чувствительность и обдуманность игры; она выражается хорошо, чувствуетъ, что говоритъ, прекрасно читаетъ стихи, но не всегда награждается рукоплесканіями, которыя вполне заслуживаетъ.

Я видалъ *Двицу Девенъ*, превосходную субретку, но послѣ ея съ удовольствіемъ видѣлъ въ томъ же амплуа *Двицу Демерсонъ*. Въ игрѣ ея много еспесiveness, живости и извительности. Она вполне постигаетъ роли Мольеровыхъ слуганокъ и соединяетъ въ игрѣ своей опкровенность съ наивностью и простотою; выразительное лице ея прекрасно изображаетъ то, что она говоритъ.

Соперница ея *Гжа Дюпонъ* имѣетъ опчаси ея дарованія; непринужденная ея веселость увлекаетъ зрителей; она заставляетъ смѣяться, потому что сама смѣется опъ чистаго сердца; сверкающіе глаза ея искрятся веселостью и опроуміемъ.

Двица Демуссо, будучи еще очень молода, начала играть роли спарухъ и выполняетъ ихъ въ совершенствѣ. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ актрисъ, къ коимъ публика несправедлива и которыхъ не умѣетъ цѣнить по достоинству.

Надобно бѣ было разнообразить похвалы, но весьма трудно сказать въ новыхъ выраженіяхъ, какъ хороши собою дѣвицы *Мантъ* и *Депрео*. Первая однако не оправдала надеждъ, которыя подавали ея дебюты. Остаются желать, чтобы впорая не опстановилась послѣ первыхъ своихъ успѣховъ на драматическомъ поприщѣ.

съ Франц. Н. П.

VIII.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РАЗБОРЪ

КАРТИНЫ

РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА,

ПИСАННОЙ Г. ТОНЧИ.

Если въ обширной области наукъ и искусствъ, никакое новое произведение ума не должно ускользнуть отъ наблюдательнаго взора критики, болѣе или менѣе благонамѣренной и правдивой: по по какому праву картина Г. Тончи, извѣстнаго художника, изображающая Рождество Христово а), пользуется доселѣ счастливымъ преимуществомъ быть видъ всякаго разбора? Потому ли только, что она есть произведение кисти иностранца, а не Русскаго?

Имѣя честь самъ принадлежать къ числу питомцевъ Императорской Россійской Академіи Художествъ, гдѣ, подъ руководствомъ достойныхъ наставниковъ, приучаюся въ произведеніяхъ кисти различать посредственное отъ изящнаго, обыкновенное отъ образцоваго, я вмѣняю въ грѣхъ сіе предательское молчаніе; и потому, какъ другъ истины, какъ безпристрастный цѣнщикъ таланта Г. Тончи, именемъ справедливости прошу васъ, милостивый государь, помѣстить въ вашемъ журналѣ замѣчанія мои на сію картину, ко-

-
- а) Сія картина находится въ Московскомъ Вознесенскомъ Монастырѣ на горнемъ мѣстѣ алтара; въ вышину имѣетъ чепыре аршина, шириною два съ половиною аршина. Г. Тончи писалъ ее за пять тысячъ рублей.

пюрья, надѣюсь, могутъ послужить къ пользѣ и оспо-
рожности занимающихся живописью художниковъ.

Признаюсь искренно, что одна любовь къ искусст-
ву руководствуетъ мною при разборѣ сей картины.
Какъ сынъ церкви, я благоговѣю предъ священнымъ
изображеніемъ Бога-Младенца; но какъ художникъ, не-
вольно оскорбляюсь неудачнымъ произведеніемъ ки-
спи Г. Тончи.

Смотрю на Превѣчнаго Младенца — и что вижу?
Онъ весь нагой, ничѣмъ не покрытый, положенъ не
въ ясляхъ, а просто на какомъ-то жесткомъ сѣнѣ
или соломѣ, даже не покрытъ пеленами. Здѣсь ху-
дожникъ позволилъ себѣ слишкомъ своевольное опи-
супленіе отъ исторической истины Рождества
Христова; ибо въ Евангеліи прямо сказано Вифлеем-
скимъ паспирямъ отъ Ангела, что они обрѣшутъ
Младенца повиваго, лежащаго въ ясляхъ; а припомню
погрѣшилъ и пропивъ еспешивеннаго чувствва соспра-
дательности къ новорожденному младенцу, такъ не-
брежно повергнувъ его нѣжное плѣхо на колючее сѣно
и не зашипивъ отъ зимняго хлада никакимъ покры-
валомъ. Сверхъ того, что за мысль положить
Младенца головою къ Богоматери, а ножками въ про-
тивуположную сторону? Могъ ли Онъ быть такой
необычайной величины, какъ изображенъ на картинѣ?
Зачѣмъ обѣ ручки Его разпростерты такъ симмет-
рически? Симметрия необходима въ архитектурѣ; а
въ живописи она неперпима, такъ что всячески дол-
жно спараться избѣгать ея во всякомъ случаѣ.

Но вопъ Божія Матери держитъ надъ Младенцемъ
въ обѣихъ рукахъ пелену; это новая для меня стран-

носпѣ! Пелена сія понкою прозрачностію своею походитъ болѣе на флеръ или виссонъ, чѣмъ на обыкновенное „полопшо“. Если художникъ вложилъ сію понкую шканъ въ руки Богоматери для повиція Младенца, то она слишкомъ нѣжна для сего употребленія, а между шѣмъ и слишкомъ дорога для Святой Дѣвы, копорая хопля и опгъ царскаго рода происходила, но была чужда всякой роскоши, какъ по Ея свѣпому смиренію, такъ и по скудному соспоянцію обрученнаго Ей Іосифа, бѣднаго древодѣля. Опкуда она могла имѣть такую дорогую шканъ, копорую, какъ предмепъ роскоши, въ погдашнее время, одни богачи могли получатъ за весьма большую цѣну? Художнику надлежало знатъ, что и для кого изображалъ онъ въ своей карпинѣ: Хриспосъ Мессія родился, среди бѣдныхъ родителѣй и припомъ на нощлегѣ самомъ неудобномъ и унизительномъ въ Виодеемѣ; слѣдовательно, чѣмъ проспѣе, чѣмъ ближе къ исторической испинѣ, шѣмъ прогательнѣе и назидательнѣе для очей вѣры представилъ бы онъ сіе свѣпѣйшее событіе.

На лѣвой споронѣ карпины, на первомъ планѣ, представлень паспухъ, держащій въ рукахъ своихъ бѣлую овцу. Позиція паспуха прекраснѣйшая: но, къ сожалѣнію, онъ изображенъ такъ, что кажется не принадлежащимъ къ цѣдоспи карпины; ибо идешь мимо и какъ бы случайно только взглядываешь на Спасителя. Сіе видно по самому положенію ногъ его: ибо онъ дѣлаешь значительный шагъ впередъ. Въ сей фигурѣ ошущительный недоспапокъ соспоинъ въ помѣ, что она поспавлена лицомъ прямо

къ зрительямъ, тогда какъ надлежало бѣ ее обратиться къ Спасителю и Богоматери, а къ зрительямъ пославить бокомъ. Бѣлая овца въ рукахъ паспуха не должна ли напоминать прообразовательнаго агнца? Это была бы мысль довольно счастливая и приличная предмету! Но величина овцы предполагаетъ слишкомъ значительную пятость; такъ что позиция паспуха естественно должна нѣсколько измѣниться, а онъ стоитъ очень твердо и держитъ ее такъ легко, безъ малѣйшаго принужденія. Другой не менѣе предосудительный недостатокъ въ сей фигурѣ есть то, что художникъ не соблюдъ въ ней надлежащей скромности, обнаживъ паспуху почти всю лядвею съ ногою. Такая вольность особенно не сообразна съ свястною изображаемаго предмета и противорѣчитъ условіямъ Христіанской живописи, въ коей эстетическій эффектъ не долженъ вредить, или даже долженъ подчиняться высшему, религіозному назначенію.

На правой сторонѣ каршины представлены три женщины; передняя изъ нихъ стоитъ на коленяхъ предъ Спасителемъ, имѣя въ рукахъ двухъ голубицъ. Сія лица совсѣмъ не у мѣста и излишни для каршины: пѣтъ паче, что и Священное Писаніе нигдѣ не упоминаетъ о другихъ женщинахъ, присутствовавшихъ при рожденіи Богочеловѣка, кромѣ Богоматери.

Справнымъ для меня кажется, что позади Божіей Матери во внутренности храмины представлены два паспуха вмѣстѣ съ Іосифомъ. Іосифъ занимаетъ свое мѣсто, но паспухи вписались не въ свое: имъ надлежало бѣ быть предъ Спасителемъ, и художникъ,

по моему мнѣнію, несравненно лучше бы сдѣлать, подспавивъ ихъ на мѣспѣ женщинъ, копорыя совсѣмъ не принадлежатъ къ изображенію. Въспѣ одинъ изъ сихъ паспуховъ, находящихся позади Богоматери, держипъ въ рукъ зажженный факель. Въро-лпно, художникъ симъ факеломъ думалъ освѣспипъ карпину и къ сожалѣнію мало успѣлъ въ помъ; ибо факель съ огнемъ въ сіе ночное время не даепъ никакого свѣспа. Если бъ божеспвенное сіяніе изливалось опъ лица самага Бога - Младенца, тогда свѣспъ факела долженъ былъ бы успунипъ: но карпина не освѣщена ни пѣмъ, ни другимъ свѣспомъ. Жаль, чпо художникъ не послѣдовалъ здѣсь примѣру Корреджіевой ночи; опъ сіяніа божеспвеннаго свѣспа оживились бы всѣ часпи карпинъ и въ его величеспвенномъ эффектѣ прочіе мало-важные недоспашки моглибъ поглоспипъся и исчезнуть.

Нимало непредосудипельно руководспвовалъспя примѣрами знаменипыхъ художниковъ, когда сами не имѣемъ ничего пворческаго. Корреджіо прославилъ себя божеспвннымъ свѣспомъ Спасипеля, такъ чпо его можно назвапъ изобразипелемъ Божеспва. Онъ полагапъ, чпо никакой еспеспвенный свѣспъ не доспоипъ освѣщавъ мѣспю, гдѣ раждаепся Спасипель: оно должно озаряпъспя сіяніемъ сверхъ - еспеспвнымъ, опъ самага Младенца изходящипмъ. Такъ мыслилъ художникъ, и сію величеспвенную мысль, возвышающую духъ Хрспіаппа, осуспспвилъ своимъ искуспвомъ на помонпъ. Божеспвенный Младенецъ еспъ солнце его кар-

тины; лице Маріи освѣщено имъ вполнѣ; нѣтъ ни одной черпты тѣни; на немъ изображается глубочайшее благоговѣніе и иѣжнѣйшая материнская любовь. Многіе изъ предстоящихъ закрываютъ лице руками, не въ силахъ будучи сносить божественнаго сіянія. Всякой особымъ образомъ изъясляетъ свое удивленіе: а благоговѣніе есть общее чувство всѣхъ предстоящихъ. Вотъ карпина, въ которой все доспойно и предмета и творца ея! Вотъ искусство освѣщать карпины, которое есть душа живописи!

Въ разбираемой нами картинѣ и составъ расположенія весьма не удаченъ: лица, составляющія ее, такъ спѣснены къ низу, что голова Спасителя равняется въ параллельной линіи съ коленнымъ передняго паспуха. Если бы художникъ догадался опмѣнить паспуховъ, находящихся позади Богоматери, и поставилъ бы ихъ на мѣстѣ женщинъ съ голубями, тогда осмалось бы значительное проспранство для ликующихъ въ воздухъ Ангеловъ. Также если бы поставилъ Божію Матерь и Спасителя повыше, то картина въ разположеніи своемъ приняла бы совсѣмъ другой, болѣе правильный и пріятный видъ.

И такъ для чего-жъ такъ низко расположены лица, составляющія сію картину? Къ чему еще эпонтъ маленькой чепвероугольный ящикъ, наполненный сѣномъ и поставленный на землѣ, въ коемъ положенъ Превѣчный Младенецъ? Такихъ яслей не видано нигдѣ, ни въ нашурѣ, ни въ другихъ картинахъ; онѣ, какъ ясли, имѣютъ всегда свой особый, совсѣмъ другой видъ.

Вообще вся картина писана не масперскимъ, но обыкновеннымъ, проспымъ пономъ. Колоритъ ея показывается какую-то мрачность, неоживляемую никакой пріятной игрой. Паспухъ держитъ въ рукахъ своихъ бѣлую овцу: но еспешвенно ли, чпобъ бѣлая шерсть имѣла пакія черныя пѣни? Вообще повсюду видна непріятная для глазъ песпропа; а художнику должно знать, чпо всякая песпропа въ картинѣ опинимаетъ доспоинспво.

Въ самой высотѣ воздуха изображены чепыре ликующіе Ангела. Колоритъ ихъ пѣла имѣетъ различный цвѣтъ; двое изъ нихъ бѣлые, а двое темнаго цвѣта. Для чего бы и имъ не дать одинаковаго колорита, дабы избавишься опъ излишней песпропы?

Не входя въ другіе меньшей важности недоспапки, ограничиваю свои замѣчанія сими главными погрѣшностями художника, противъ общихъ правилъ живописи. Послѣ сего всякой можетъ предспавишь, доспойна ли сія картина поѣго, чпобъ посспавишь ее выше суда здоровой крипики! Я надѣюсь, чпо и почтенный художникъ не оскорбится моимъ разборомъ: ибо печать истиннаго паланпа еспъ скромность и самоопверженіе.

(сообщено).

IX.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

(А)

ТРУДЫ Г. ГУЛЯНОВА.

И. А. Гуляновъ, извѣстный нашъ Лингвистъ, Филологъ и Археографъ, получивъ значительное вспоможеніе отъ благотѣтельнаго нашего правительсва, отправился, въ прошедшемъ Іюнѣ мѣсяцѣ, въ чужіе края, для приведенія къ окончанію и изданія въ свѣтъ своихъ сочиненій, надъ которыми трудился слишкомъ двадцать лѣтъ. Желая ему всѣхъ возможныхъ успѣховъ, къ чести имени Русскаго, мы предлагаемъ здѣсь краткую записку о спашьяхъ, коими онъ занимался, сообщенныя намъ отъ самовидца, имѣвшаго случай заглядывать въ его огромныя портфели. Пусть эта записка сдѣлается заемнымъ письмомъ, по которому Русскіе ученые попребуютъ у него опчета по возвращеніи его въ отечество. Многіе изъ сихъ спашей опдѣланы совершенно, для другихъ только приготовлены матеріалы. Записка сія составлена по его собственному раздѣленію предметовъ, съ дипломатическою точностію, опносительно номенклатуры и ореографіи, копорыя у него имѣютъ свои особенности:

а) лингвистика. Археологическія воспоминанія о языкахъ. Взглядъ на образованіе и разумъ языковъ. Разборъ спашьи В. Шлегеля прошивъ положеній, начертанныхъ покойнымъ членомъ Россійской Академіи, Барономъ Меріаномъ, касательно образованія и срод-

спва языковъ. О различныхъ видоизмѣненіяхъ, образующихъ личность языковъ. О грамматическомъ образованіи Славенороссійскаго языка. Необходимоспъ во всеобщей азбукѣ и ея основанія.

б) филологія. Разборъ предполагаемаго вліянія писменъ на образованіе языковъ. О жребіи Русскаго языка. О звукопаденіи Французскихъ стиховъ и о необходимости разборчивости въ звукосочетаніи оныхъ. О значеніи и служеніи Кипайскихъ начертаній. О языкѣ Кипайскомъ. О языкѣ Египетскомъ.

в) археологія. О Славянскомъ языкѣ и о чертахъ его древности. О сродствѣ Славянскаго языка съ Египетскимъ. Объ остаткахъ реченій, свидѣтельствующихъ соплеменности Американскихъ народовъ съ племенами прочихъ частей свѣта. О древнемъ произношеніи Эллинскаго языка. О древнемъ произношеніи языка Славянскаго. О первородномъ произношеніи началъ словесныхъ, буквами изображенныхъ.

г) палеографія. Разборъ азбукъ, коихъ предображенія прикрыпы записями мнимыхъ ихъ изобрѣтателей. О различныхъ составахъ азбукъ. О различныхъ словописаніяхъ съ права на лѣво и съ лѣва на право, съ верху въ низъ и проч. О спорѣ касательно первенства между Халдейскими и Еврейскими начертаніями. О первенствѣ между азбуками Индійскими, Тибетскими и азбукою языка *Пали*. О древности Испанской Палеографіи. Объ Эпрусскихъ начертаніяхъ. О Руннахъ или Скандинавскихъ начертаніяхъ. О клинообразныхъ начертаніяхъ Персеполиса и спѣтъ Вавилонскихъ. Указаніе начала Кипайскихъ начертаній. Успѣхи палеографическихъ изслѣдованій зависятъ отъ

физиологическихъ наблюдений. Таблицы видоизмѣненій Фипикійскихъ буквъ, образовавшихъ азбуки прочихъ языковъ.

д) криптография. Разборъ преданій о началѣ и предображеніяхъ Кипайскихъ начерпаній. Разборъ преданій о Эгипетскихъ гіероглифахъ. Пропивурчія и несообразности системы младшаго Шампольона. Чужое за свое въ опкрытіяхъ Шампольона. Образование Гіероглифовъ. О хипросложеніи всѣхъ Гіероглифическихъ таинспвѣ. О таинспвахъ Горуса-Аполлона. О таинспвенномъ говорѣ Эгипетскихъ жрецовъ, основанномъ на двусмысленности рѣченій. О мнимыхъ мыслейобразительныхъ символахъ. О своевольныхъ объясненіяхъ Шампольона. О Кабалиспикѣ Раббиновъ. Опкровенія знаменипаго Вакиійеа. О семи гласныхъ, древле посвященныхъ седмичнымъ планешамъ. Замѣчанія о Дендерскомъ Зодіакѣ. О большемъ Папирусь, находящемся въ кабинетѣ древностей Королевскаго книгохранилища въ Парижѣ. О таинспвенныхъ азбукахъ Друидовъ. О гносписческихъ Символахъ. О Эгипетскомъ Панеонѣ.

е) физиология. Взглядъ на образованіе и свойство началъ словесныхъ, буквами изображаемыхъ. О механизмѣ дыханія. О голосѣ. О чревоушаніи. Сводъ началъ словесныхъ изъ разныхъ языковъ и нарѣчій. Таблица родовой связи началъ словесныхъ и измѣненія оныхъ съ приложеніями изъ всѣхъ языковъ. Сравнительная таблица азбукъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ.

ж) идеология. О всеобщихъ разумніяхъ и о частныхъ поспиганіяхъ. Таблица всеобщихъ разумній и частныхъ поспиганій. О умспвенныхъ началахъ и обра-

зованіи часпей рѣчи. Разборъ Грамматической Терминологіи языковъ. О неправильномъ употребленіи опвлеченныхъ словъ и о неопредѣленности оныхъ. Очеркъ разсудительнаго словаря. О личности корней.

з) психологія. О способностяхъ человека. О различныхъ условіяхъ и явленіяхъ жизни. Разборъ составныхъ началъ спраспей.

и) философія. Взглядъ на Философію. О Теоріяхъ и Системахъ. О разумъ человеческихъ познаній. О сущности философіи безъ познанія слова. О догматическихъ законахъ физики. О неправильномъ языкѣ наукъ. О языкѣ всеобщемъ.

(Б)

ОТКРЫТІЯ Г. ВЕНЕЛИНА

Вопъ списокъ грамопъ, собранныхъ въ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи, *Ю. И. Венелинымъ*, путешествовавшимъ на счетъ Россійской Академіи, для филологическихъ наблюдений. Грамопы сіи важны въ отношеніяхъ генеалогическомъ, хронологическомъ и географическомъ, какъ докуменпы для испоріи; но еще важнѣе въ отношеніи собственно филологическомъ, поелику предспавляютъ въ живыхъ памятникъхъ постепенное измѣненіе Церковнаго Славянскаго языка до настоящаго Болгарскаго нарѣчія и пѣтъ доспавляютъ новое любопытное доказательство, что сей языкъ естъ древнее нарѣчіе Болгарское. Сверхъ того занимательно будетъ сравнить сіи грамопы съ нашими, что можетъ подать поводъ къ любопытнымъ соображеніямъ и результатамъ.

- около 1342. Дарительная грамота *Владислава I* Водичкому Монастырю упварей церковныхъ и помѣстья. (Съ снимкомъ).
- около 1382. Дарительная грамота *Мирги I Радловица* Тисмѣнскому Монастырю разныхъ преимуществъ и имѣній.
1387. Подобная же грамота *Мирги I* помуже Монастырю.
- около того же года. Указательная грамота *Мирги I Радловица* селамъ, дарованнымъ Монастырю Тисмѣнскому. (Съ полнымъ снимкомъ).
1407. Грамота *Мирги I* опцу Никодиму Тисмѣнскому о ловлѣ рыбы и пасѣбищахъ.
- 1409 (?). Грамота *Мирги I* Пулковецкому Монастырю о монастырскихъ преимуществахъ. Дана въ Гюрговъ Градъ.
1419. Грамота Римскаго Императора Зигизмунда Монахамъ Водичкаго Монастыря о свободномъ пребываніи ихъ въ земляхъ *Угорскаго* (Венгерскаго) Королевства. Дана въ *Царскою Вароши* (Градъ) въ *Хатовъ*. (Съ снимкомъ).
1420. Предохранительная Грамота Императора Зигизмунда, Короля Чешскаго и Венгерскаго, данная Монастырю Водичкому и Тисмѣнскому. Дана на Водичахъ. (Въ полномъ снимкѣ).
1420. Грамота Императора Зигизмунда жителямъ и духовенству *Басараба* (области) о свободномъ въ роисповѣданіи. Дана въ *Вели-*

комъ Варааду (въ Грос - Вардейнѣ). Въ полномъ снимкѣ.

1420. Жалованная Грамота *Александра*, Господаря земли Молдавской, Боярину Пану *Венъ* Дворнику о жалуемомъ ему имѣнии. Дана въ *Согаевъ*.
1429. Дарительная Грамота Императора Зигизмунда Монаспырямъ Водицкому и Тисмѣнскому. Дана въ *Пожунъ* (въ Пресбургѣ). Съ спискомъ.
1437. Грамота *Влада* (*Владислава II*) Болерамъ *Радулу*, *Драгомиру*, *Албулу* и *Влакулу*. Дана въ Терговищѣ.
1441. Грамота *Влада* Снѣговскому Монаспырю объ имѣнии и преимущесвахъ. Дана въ Терговищѣ. Съ снимкомъ.
1458. Утвердительная Грамота *Влада Владовича* Тисмѣнскому Монаспырю о выгодахъ. Дана въ Монаспырь Тисмѣнскомъ.
1471. Утвердительная грамота *Радула Владовича*, *Стану* и *Влаксану* объ ихъ удѣлахъ. Дана въ Гергицѣ.
1472. Грамота *Млада* Воеводы, *Кракупу* и его сыновьямъ о куплѣ. Дана въ Букурещи.
1476. Грамота *Басараба* Воеводы *Дановича* слугъ его *Онъ* объ удѣлѣ. Дана въ Гергицѣ.
1480. Утвердительная Грамота *Млада* Воеводы Басараба Попу *Маею*, Игумену Тисмѣнскому. Дана въ Градѣ Букурещѣ.
1483. Утвердительная Грамота *Влада Владовича*

- и Тисмѣнскаго Монастыря Игумену *Матвею*. Дана въ Терговищѣ. Съ снимкомъ.
1492. Упвѣрдителная Грамота *Влада Владови- та* Тисмѣнскому Монастырю объ имѣніи. Дана въ Букурещи.
1499. Грамота *Радула Владовича* Жупану *Кикому* и дочерямъ *Станкѣ*, *Винѣ* и *Радѣ* о владѣніи. Дана въ Терговищѣ. Съ снимкомъ.
1514. Грамота *Іо Бассараба* Жупану *Шуйкѣ* и сыновьямъ его *Владулу* и *Драгичу* о владѣніи. Дана въ Терговищѣ.
1530. Грамота Господаря *Моисея Владиславлевича* Терговицкой Митрополитъ объ имѣніи.
1531. Жалователная Грамота *Влада* Инокѣ *Перивольскаго* Аѣонскаго Монастыря ежегодныхъ пособій въ пользу Монастыря Коспамонскаго Аѣонскаго.
1532. Грамота *Влада Владовича* Жупану *Албу* и сыновьямъ его *Стану*, *Албулу*, *Нѣгою* и дочерямъ *Зойкѣ* и *Нѣкиѣ* объ удѣлахъ. Дана въ Букурещи.
1533. Жалователная Грамота *Влада Радуловича* Ксиропотамскому Аѣонскому Монастырю ежегодныхъ пособій. Дана въ *Дивнѣмъ Граду* Терговищѣ.
1534. Хрисовуль *Влада Радуловича* городу Гергицъ объ опредѣленіи межъ земель его. Дана въ *Настольномъ Градѣ* Терговищѣ.
1538. Грамота Господаря *Радула Радуловича* Терговицкому Митрополиту *Варлааму*. Дана въ Терговищѣ. Съ снимкомъ.

1536. Утвердительная Грамота *Петрашки Дудуловича* Жупану *Наану*, Великому Мединичарю, о владѣніи имѣніемъ. Дана въ городъ Гергиць.
1556. Утвердительная Грамота *Петрашки Радудуловича* Торговицкому Мипрополипу *Янахию* о владѣніи имѣніемъ. Дана въ Гергиць.
1559. Хрисовуль *Александра Лопушияна* Киприанскому Монаспырю, что нынѣ въ Бесарабіи, объ имѣніяхъ и предѣлахъ онаго.
1560. Хрисовуль Господаря *Петра Миртевича* Терговицкой Мипрополиіи о тяжбѣ и объ имѣніи оной. Дана въ Букарещи.
1568. Грамота *Михли Александровича* Мипрополипу *Серафиму* объ учаспкахъ имѣнія Мипрополипскаго. Дана въ Терговиць. Съ снимкомъ.
1570. Грамота (утвердительная) Господаря *Александра Миртевича* Жупаниць *Някиль* о вопчинахъ. Дана въ Букурещи.
1571. Утвердительная Грамота *Александра Миртевича*, *Радулъ*, *Драгмиру*, *Албулу* и *Нану* объ имѣніи. Дана въ Букурещи.
1571. Жаловательная Грамота *Александра Миртевича* Гергицкому Монаспырю. Дана въ Букурещи.
1572. Утвердительная Грамота *Александра Миртевича* Гергицкому Монаспырю, о тяжебной мѣльницѣ. Дана въ Букурещи.
1573. Грамота Мипрополипа Угровлахійскаго *Еф-*

- тимія* Логовешу *Титулову* о продажѣ ему цыгана.
1574. Грамота *Александра Миргевича* Жупану *Драгожиру*, Великому Дворнику, о спорномъ его имѣніи. Дана въ Букурещи.
1577. Грамота *Александра Миргевича*, *Могошу Маневу* и *Михаилу* и *Степану* о купчей. Дана въ Букурещи.
1584. Утвердительная Грамота *Петра* Господаря земли Молдавской. Холовскому Монастырю о предѣлахъ его имѣнія. Дана въ Яссахъ.
1587. Утвердительная Грамота *Михни Александровича* Болѣрину Жупану *Дану*, о купленныхъ имъ земляхъ. Дана въ Букурещи.
1595. Утвердительная Грамота Господаря *Стефана Иоанновича* Жупаницъ *Нѣкишевой* о спорной вощинѣ. Дана въ Букурещи.
1595. Грамота *Александра Богдановича* *Маню* Грамашнику объ удѣлѣ. Дана въ Букурещи.
1601. Утвердительная Грамота *Симеона*, *Могилы* Болѣрину *Тудорану* о спорной вощинѣ. Дана въ Терговицѣ.
1604. Утвердительная Грамота *Радуга Басараба* Болѣрину *Тудорану*. Дана въ Терговицѣ.
1607. Грамота Утвердительная *Радуга Басараба* Болѣрину Жупану *Черникъ*, Великому Дворнику, и Жупаницъ его *Кажинъ* объ ихъ имѣніи. Дана въ Терговицѣ.
1610. Хрисовуль Воеводы *Радуга Басараба* Воз-

- весеенскому Минипрополисскому Храму о приписанномъ къ оному имѣніи *Орѣховицы*. Данъ въ городѣ Терговищѣ. Съ снимкомъ.
1612. Хрисовулъ Воеводы *Радѹла Басараба* Аеоносскому Каспомонипскому Монастырю объ оброкѣ инокамъ омаго. Данъ въ Терговищѣ.
1619. Грамота *Гавріила Симеоновича* Могилы людямъ *Младину, Вилянѹ, Станѹ* и *Стойкѣ* Челомецкимъ объ ихъ свободѣ. Дана въ Терговищѣ.
1619. Грамота того же Господаря рабу *Бріѹ* и женѣ его *Владѣ* о свободѣ ихъ.
1622. Хрисовулъ Господаря *Радѹла Миргевича* Болѣрину Жупану *Костантину Вагитиста* о пожалованіи ему имѣнія и разныхъ преимуществъ. Съ снимкомъ на двухъ большнхъ листахъ.
1624. Утвердипельная Грамота *Александра Радѹловича* Капнишану *Горбачевѹ* о приобрѣщеніи симъ имѣнія *Болотища*. Дана въ Терговищѣ.
1626. Утвердипельная Грамота *Александра Радѹловича, Радѹлѹ* Договешу о купчихъ. Дана въ Букуреши. Съ снимкомъ и fac simile.
1629. Грамота Утвердипельная Господаря *Александра Ильишевича* Терговищскому Минипрополису *Гризорию* объ имѣніи. Дана въ Букуреши.
1632. Утвердипельная Грамота *Леона Стефановича Переулу* Урлацкому, о виноградныхъ цюгонахъ и о прочемъ. Дана въ Букуреши.

1637. Хрисовулъ *Матвѣя* Басараба Терговицкому Митрополиту Оеополу. Дана въ Букурещи.
1641. Утвердительная Грамота *Василія* Воеводы земли Молдавской монастырямъ Хоморскому и Молдовенскому. Дана въ Яссахъ.
1642. Грамота Господаря *Матвѣя* Басараба *Димитрашкѣ* сыну Микулову, поспельнику, о пшажбѣ. Дана въ городъ Терговищъ.
1650. Грамота *Матвѣя* *Ифрѣму* о спорѣ касательно владѣнія. Дана въ Терговищъ.
1651. Грамота *Матвѣя* Садовскому Монастырю о пожалованіи инокамъ онаго оброку съ соли. Дана въ Терговищъ.
1651. Грамота Господаря *Михни Александровича* Запольско-Черноморскому Монастырю о пожалованіи ему прехъ мельницъ. Дана въ Букурещи.
1653. Хрисовулъ Господаря *Константина Шебрана* Терговицкой Митрополитъ и Архіепископу *Игнатію* объ имѣніи и преимуществѣхъ. Дана въ Букурещи.

Снимки съ сихъ грамотъ представляють любопытныя докуменпы для Славянской Палеографіи. Вообще должно сказать, что ученое путешествіе *Г. Венелина*, о которомъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, такъ мало извѣстно, обещаетъ прѣлечь много свѣта на нашу древнюю письменность. Сверхъ того *Г. Венелинъ* занимался наблюденіями по всемъ частямъ Болгарской національности, которая, не смотря на столь продолжительное и тяжкое угнетеніе подъ Турецкимъ ярмомъ, сохраняетъ свою родовую Славянскую

этнономію, даже въ большей численности, чѣмъ другія, болѣе счастливья, племена Славянскія. Оспается только привесть въ порядокъ и сообразить богатую жатву собранныхъ имъ замѣчаній, кои должны пополнить исторію Славянства новыми, важными и любопытными фактами.

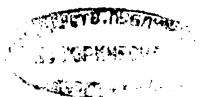

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи предсданы были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва 1832 года, Іюля 28 дня.

Ценсоръ *Н. Лазаревъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

VII. Парижскій Театральный Міръ. (Окон- чѣніе).	252
VIII. Художественный Разборъ Карпины Рождества Христова, писанной Г. Тончи.	260
IX. Ошечественныя Извѣстія: А) Труды Г. Гулянова; Б) Ошкрытія Г. Вене- лина.	267

Подписка принимается въ *Москвѣ*: въ квартирѣ
Издателя: у *Покрова въ Левиинѣ, въ доли Зигоски-*
на; въ книжномъ магазинѣ *Н. Н. Глазунова* противъ
Воскресенскихъ Воротъ, въ домѣ Курманалѣевой; у
Коммисіонера **ИМПЕРАТОРСКАГО** Московскаго
Университета *А. С. Ширлева*, въ Университетской
книжной лавкѣ; въ *С. Петербургѣ*: у *А. Ф. Смирди-*
на. Гг. иногородные благоволяшъ ошноситься съ сво-
ими прѣбываніями въ Газетную Экспедицію Москов-
скаго Почтамта.

